

Театръ

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА
НА ЖУРНАЛЪ
„ТЕАТРЪ И ИСКУССТВО“.

Съ доставк. и пересылк.
на годъ 6 р., на полг. 4 р.
Отд. №№ продаются по 20 к.
Объявл.—20 к. съ стр. пет.

АДРЕСЪ РЕДАКЦИИ И КОНТОРЫ:
Моховая, 45.

Отдѣленіе въ Москвѣ—въ конторѣ Н. Печивской.

Рукописи, доставл. безъ обознач. говорара,
считаются бесплатными.

Мелкія рукописи не сохраняются.

Телефонъ ред. № 1689.

Искусство

1900 г. IV годъ изданія. ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ. ВОСКРЕСЕНЬЕ, 26 Ноябрь.

СОДЕРЖАНИЕ: Газетно-театральный инцидентъ.—Смена и безпутство (окончаніе).—Вл. Личако.—Юбилей художниковъ буржуа. А. Ростиславова.—Одинъ изъ вопросовъ постановки. Ю. Р.—Хроника театра и искусства.—Письмо въ редакцію.—Изъ Москвы. А.—Музыкальныя замѣтки. Б. М. Соловьева.—Каторжный театръ (окончаніе). В. М. Дорошевичъ.—Поздняя осень (продолженіе).—П. Н. Потапенко.—За границей.—Провинциальная лѣгонисъ.—Репертуаръ.—Списокъ разрѣш. пьесъ.—Объявленія.

№ 48.

Рисунки: «Безправная» (4 рис. А. Любимова и С. Панова).—«Предѣлъ» (рис. А. Р. ва).

Портреты: Г-жи Таріоль-Боже, † А. К. Шеллера (Михайлова), П. А. Гердта (2 портрета), Т. Ф. Синельниковой, М. А. Саблиной-Дольской, Р. Б. Аполлонскаго и В. К. Тенсонъ.

Ноты: Романсъ Елены, Шуберта.

Приложеніе. «Завѣщаніе», пьеса П. П. Гиндича.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА 1901 г.

НА ЖУРНАЛЪ

„Театръ и Искусство“

(пятый годъ изданія).

52 №№ журнала (около 1000 страницъ).

20 репертуарныхъ пьесъ.

12 выпусковъ Библіотеки увеличиваемой въ объемъ и дополняемой отдѣломъ практическихъ указаній.

12 нотныхъ приложеній.

2—3 выпуска „Словаря сценическихъ дѣятелей“.

6 р. на годъ, 4 р. — полгода.

Разсрочка допускается на прежнихъ основаніяхъ, по 2 р. въ три срока: при подпискѣ, 1 Марта и 1 Юня.

Подписка въ разсрочку отъ книжныхъ магазиновъ не принимается. Съ годового подписчика книжные магазины могутъ удерживать въ свою пользу 25 коп., съ полугодоваго — 15 к.

О литературномъ матеріалѣ и о пьесахъ, имѣющихъ бытъ напечатанными въ 1901 г., будетъ объявлено особо.

Отъ редакціи.

Гг. сценическіе дѣятели, коихъ бѣжиліи начинаются съ буквы Д., приглашаются въ самое скоромъ времени прислать біографическія о себѣ данныя. Пятый выпускъ Словаря обязательно выйдетъ въ декабрѣ.

С.-Петербургъ, 26 ноября.

Въ Москвѣ возникъ нѣкоторый газетно-театральный инцидентъ. Въ газетѣ «Русск. Слово» появился по адресу антрепренера П. Омона рѣзкій фельетонъ, рисующій мрачными красками «заведеніе» г. Омона, къ которому, признаться, московская печать вообще питаетъ нѣкоторую слабость. Исходя изъ посылки, что въ сущности «театръ» г. Омона обыкновенное «заведеніе», гдѣ процвѣтають легкіе нравы, авторъ фельетона ставитъ вопросъ, не пора ли убрать это заведеніе подальше, въ болѣе укромный уголокъ... Вопросъ поставленъ рѣзко. Г. Омонъ отвѣтилъ еще болѣе рѣзко, и, дѣло, кажется, закончится на судѣ. Характерно, что московская печать, не исключая почтенныхъ «Рус. Вѣд.», отнеслась странно къ инциденту, не сказавъ ничего по существу, и предпочла перемывать грязное бѣлье. Очень жаль, ибо вопросъ, затронутый «Р. Сл.», наводитъ на размышленія. Въ самомъ дѣлѣ, если «театръ» г. Омона есть театръ, и разныя «Варьете», и «Марцинкевичи», и «Минерашки»—все это театры, а все, что тамъ происходитъ, искусство—то съ какимъ правомъ можно говорить о воспитательномъ и художественномъ значеніи театра. Нѣтъ ли ошибки въ самой квалификаціи? Что общаго между канканно-буфетной торговлей и искусствомъ, и за какіе грѣхи настоящий театръ и его истинные служители должны нести на себѣ позоръ маскарада? Вѣдь несомнѣнно, невысокое мнѣніе о театрѣ и артистахъ, столь распространенное среди публики, поддерживается подобными заведеніями, прикрывающими свои дѣла флагомъ театра,—заведеніями, гдѣ «дѣйицы безъ опредѣленныхъ занятій» разухабисто распѣвають «шансонетки», обирающія гостей въ отдѣльных

кабинетахъ—звуться актрисами... Это историческая несправедливость, раздѣляемая не только толпой, но и законодательствомъ, до сихъ поръ смѣнивающими во-едино театръ со всякими «увеселительными заведеніями», преслѣдующими совершенно иныя цѣли. Мы указывали недавно на необходимость пересмотра или вѣрнѣе созданія, новаго устава о театрахъ. Если таковая работа будетъ когда-нибудь предпринята, а въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія, то по нашему разумѣнію, прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на необходимость точнаго опредѣленія понятія «театръ», какъ общественнаго института, почерпнутаго какъ изъ вѣншихъ признаковъ, такъ и изъ внутренняго содержанія его дѣятельности. «Заведеніе», про которое только и можно сказать словами гоголевской вывѣски: «вотъ заведеніе»,—быть можетъ, и необходимо, такъ какъ наша культура «жертвъ испительныхъ просить», но ихъ не слѣдуетъ ни называть, ни считать «театрами», и «заведенія» выигрываютъ, пожалуй, если этотъ маскарадъ прекратится. Вѣдь несомнѣнно, во многихъ случаяхъ флагъ театра, что бѣльмо на глазу у содержателей всякаго рода заведеній, и держатся они по необходимости, потому что, самое существованіе этихъ заведеній, особенно-же бунфета возможно только подъ флагомъ театра. Говорятъ, напримѣръ, что именно въ такомъ положеніи находится г. Омонъ и его учрежденіе. Думается, что господа увеселители были бы весьма благодарны, если-бы могли сбросить маску, убрать театральнй флагъ, и заявить во всеуслышаніе: «Господа, не говорите больше «театръ». Теперь это «заведеніе». Никто отъ этого не потерялъ бы, и общественная совѣсть не была бы уязвлена, если-бы вещи называть по возможности своими именами.

Сцена и безпущство.

(Парадоксы и впечатлѣнія).

III.

Черезъ всю жизнь человѣчества яркой полосой проходить одна основная черта — самоограниченіе. Самоограниченіе есть сущность морали и права. Самоограниченіе вызывается то идеею государства (напр., въ Римѣ), поглощающей все остальное, то религіознымъ экстазомъ (напр., въ эпоху крестовыхъ походовъ), то представленіемъ о нравственномъ долгѣ и т. д. Вся жизнь человѣчества, казалось, сводилась къ тому, чтобы постоянно приносить жертвы во имя государства, религіи, семьи, друзей и пр. Каждый часъ, каждую минуту человѣкъ обязанъ, такъ или иначе, подавлять естественное требованіе своей натуры и проявленія жизненной силы.

Характеръ самоограниченія измѣнивъ, соотвѣственно различнымъ побужденіямъ, во имя которыхъ совершаются ограниченія личнаго „я“. Одни обрекаютъ себя на лишенія изъ высшихъ соображеній, другіе—въ интересахъ низшихъ. Таковы самоограниченія во имя семьи, близкихъ людей и даже — отдѣльной личности. Тѣ и другіе, разумѣется, страдали, ибо всякое лишеніе есть, въ сущности, источникъ страданія. Страданія первыхъ, такъ сказать, очищали ихъ, дѣлали героями и кумирами толпы. Страданія другихъ въ итогѣ давали успокоеніе и

примиреніе съ окружающимъ. Въ обоихъ случаяхъ, такимъ образомъ, самоограниченіе, въ концѣ концовъ, приводило къ довольству, т. е. къ чему-то очень близкому къ счастью.

Если справедливо, что экономія есть законъ жизни, то слѣдуетъ признать, что съ одного вола не дерутъ двухъ шкуръ, и что тѣ, которые себя ограничивали во имя высшихъ идеаловъ, уже заплатили дань самоограниченію, и потому иногда слишкомъ жестоко требовать отъ нихъ самоограниченія въ той сферѣ частной жизни, которая не касается государства и общества. И точно, исторія свидѣтельствуетъ, что эти люди частенько дѣлали то, что хотѣли, и позволяли себѣ много такого, о чемъ обыкновенный человѣкъ не смѣлъ думать. Алкивиадъ „хотѣлъ надѣ мудрецами и безумными глазами на прекрасную глѣдѣть“. Сократъ и Периклъ, Гето и Рейне, Байронъ и Вольтеръ, Жоржъ Зандъ и Альфредъ Мюссе—нужно-ли перечислять еще? На всѣ эксцессы ихъ частной жизни мы смотримъ снисходительно потому, что они слишкомъ много жертвовали своими интересами ради высшихъ цѣлей. Если-бы еще и частную жизнь ихъ мы связали по рукамъ и ногамъ, тогда не только *цѣль и смыслъ ихъ жизни*, но и всякій шагъ, всякое дыханіе, всякое помысленіе—все было-бы подчинено намъ, и они-бы ходили, думали, дышали только такъ, какъ хочется намъ или—что одно и то-же—какъ предписываетъ созданная нами мораль.

Нашъ взглядъ мгновенно измѣнился-бы, если-бы тѣ-же грѣшники позволили себѣ, ну, допустимъ, герон поэзіи, какъ, напримѣръ, Ромео („Ромео и Джульетта“) или Фердинандъ („Коварство и любовь“). Если-бы Ромео измѣнилъ Джульеттѣ, а Фердинандъ—Луизѣ, то мы стали-бы ихъ считать людьми безъ чести, убѣжденій, нравственныхъ устоевъ и пр. и пр. Для Фердинанда и Ромео вся жизнь сводилась къ поклоненію женщинѣ и любви къ ней. Любовь была для нихъ своего рода культомъ, и притомъ единственнымъ, которому они поклонялись и во имя котораго приносили жертвы, т. е. совершали акты самоограниченія и даже самоотреченія. Для нихъ „наука страсти нежной“ была не случайнымъ временнѣмъ препровожденіемъ, а, такъ сказать, — профессиональнымъ занятіемъ, ибо больше имъ и дѣлать было нечего. Крестьяне и рабы „въ потѣ лица своего“ добывали имъ не только хлѣбъ насущный, но и тѣ предметы роскоши, которые шли на украшеніе все того-же идола любви.

Исторія женщины есть исторія ея самоограниченія во имя семьи.

Цѣль ея жизни и весь смыслъ ея существованія съ незапамятныхъ временъ сводился къ этому служенію и лишеніямъ во имя ея. Въ античномъ мірѣ женщину часто принуждали къ этому. Міръ христіанства, если и не принесъ ей полнаго освобожденія, то все-же, далъ облегченіе въ отношеніи свободы выбора того, кому она должна быть „вѣкъ вѣрна“. Съ этого момента женщина изъ подневольнаго слуги обращается въ добровольнаго, изъ рабыни—въ фаворитку. Культъ любви теперь вознаграждалъ ее за непрерывныя нравственныя и физическія лишенія, которыя она протерпѣвала во имя семьи. Но опять-таки въ кругѣ, строго ограниченномъ семьей, она должна искать и свое назначеніе и свое счастье.

Большаго женщина и сама не требовала долгое время. Да и не могла она требовать, ибо другой жизни не знала. Она долгие вѣка болалась высунуть носъ за порогъ, ибо—кто знаетъ?—можетъ быть, тамъ еще хуже. Лучше хранить то, что имѣешь, чѣмъ потерять и это, а потомъ вѣкъ плакаться.

Метерлинкъ въ одной изъ своихъ драматическихъ сказокъ изобразилъ этотъ женскій страхъ передъ неизвѣстнымъ будущимъ. Сказка называется „Напрасное освобожденіе“. Въ мрачномъ подземельѣ замка свирѣлаго Синей Бороды томятся долгіе годы пять его прекрасныхъ женъ. Было время, когда Синяя Борода ихъ безумно любилъ, но время то безвозвратно минуло. Теперь онъ любитъ красавицу Аріанну, болѣе рѣшительную и знающую жизнь лучше, чѣмъ ея предшественницы. Двигимая чувствомъ состраданія, она пробирается въ подземелье, чтобы освободить узницъ и съ ними вмѣстѣ бѣжать. Случайно у нея тухнетъ свѣтъ, и она хочетъ открыть окно. Но узницы умоляютъ ее не дѣлать этого, ибо онѣ боятся, что къ нимъ ворвется море, глухой шумъ котораго слышится издали. Онѣ предпочитаютъ лучше жить такъ, какъ живетъ, чѣмъ рисковать, хотя этотъ рискъ, можетъ быть, приведетъ ихъ къ свѣту и свободѣ. Но этого мало. (Озлобленный народъ вскорѣ покоряетъ Синюю Бороду и провозглашаетъ своей царицей Аріанну. Первымъ ея дѣломъ является освобожденіе узницъ. Она имъ предлагаетъ вмѣсто тьмы — свѣтъ, вмѣсто угнетенія — свободу, вмѣсто смерти — жизнь и счастье. Но онѣ колеблются, ибо привыкли къ подземелью и боятся, что за предѣлами его имъ придется еще хуже. Не бѣда, что имъ здѣсь живетъ дурно. Что значитъ „дурно“? И если лучшее, по французской пословицѣ, врагъ хорошаго, то дурное, быть можетъ, врагъ худшаго...

Та брешь, которую прокладываетъ въ современной семьѣ феминизмъ, подготовлена уже давно искусствомъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ искусство получило твердыя экономическія основанія. Потребность жертвы и самоограниченій стала иной. Ревъ моря, раздающійся за стѣнами темницы, не страшитъ уже узницъ Синей Бороды: море имъ знакомо. И впервые познакомила женщинъ съ этимъ моремъ, несомнѣнно, сцена. Съ того момента, какъ актриса перестала быть куртизанкой, но свискала себѣ право на вниманіе и уваженіе, признательность и благодарность, образъ женщины, которая, презирая пассивное рабство семейнаго строя, въ то-же время находитъ въ окружающей жизни твердую точку опоры для своего существованія, не переставалъ соблазнять женское воображеніе. Недаромъ Зудерманъ въ своемъ „Heimath“ героинею женскаго протеста сдѣлалъ артистку Магду. Магда—это одинъ изъ интереснѣйшихъ женскихъ характеровъ нашего вѣка, и недаромъ сценическую популярность этой роли можно сравнить развѣ съ популярностью Маргариты Готье. Эпоха „дамы съ камеліями“—это „безплодныя усилія любви“, и женщина перемѣнила оружіе.

Вы помните Магду? Было время, когда ея царство не распространялось за порогъ отцовскаго дома. „Отъ того вонъ окна, до этой двери... отъ того вонъ стола, до платяного шкафа наверху“ все это и только это когда-то было ея міромъ. Отецъ и вся ея семья считаютъ этотъ міръ такимъ, „выше котораго нельзя быть и не слѣдуетъ“. Но она „держалась

всегда противоположнаго взгляда“, какъ говорить Шварце. Сузить себя въ предѣлахъ, ограниченныхъ „окномъ“ и „шкафомъ наверху“, она была не въ силахъ, ибо душа ея рвалась на просторъ. И житейская буря вынесла ее на этотъ просторъ, предоставивъ возможность или завоевать этотъ новый міръ или... погибнуть. Магда, послѣ долгихъ лишений, завоевала его. Подобно ибсеновскому Сольнесу („Строитель Сольнесъ“), она съ рискомъ и опасностью для жизни взобралась на ту „высоту“, которая даетъ право на счастье. Она теперь знаетъ, „что значитъ напрягать всѣ силы, искупать каждую вину, что значитъ добиться высокаго положенія и имъ наслаждаться“. Ея жизнь также полна жертвъ и самоограниченій, но приносятся они ею во имя искусства, что, по ея мнѣнію, выше. Она также „раба“, и даже „совсѣмъ усталая, загнанная раба“, но раба не отдѣльнаго человѣка, а искусства, чего-

«Безправная», пьеса г-жи Владиміровой.

Смерть Мурца, IV актъ.

то и очень большого, и очень отвѣтственнаго. „Каждый день, каждый часъ“ у нея распредѣлены „задолго впередъ“ и предназначаются на то, чтобы, при посредствѣ искусства, пробуждать въ людяхъ „чувства добрыя“. И если, среди неустанной работы, у нея окажется нѣсколько свободныхъ минутъ, то въ эти минуты никто не имѣетъ права отказывать ей „въ правѣ любить, какъ она умѣетъ и въ правѣ на счастье, какъ она его понимаетъ“.

Между тѣмъ, условная мораль, которая когда-то выкинула ее за бортъ и которая не дала ей „никакой радости и никакой защиты“, теперь приказываетъ ей „тихонько скорчиться въ уголѣ и тамъ скромненько ждать, пока какой-нибудь благородный рыцарь явится туда“. А затѣмъ?.. Затѣмъ, она, обыкновенно свободная, какъ птица, должна будетъ подчиниться и принизиться, снова надѣтъ на себя ярмо самоограниченія. А когда она плѣла и плясала въ кафешантанахъ? Развѣ этимъ она не заплатила уже долга, не покрыла обязательствъ самоотреченія?

Чтобы понять всю тягостность положенія, въ которомъ очутится Магда, если выйдетъ замужъ за Келлера,—необходимо сопоставить ее съ ея сестрой Маріей. Марія—сама по себѣ „ничто“ и совершенно „безпомощна въ родного крова“. Изъ рукъ отца „она прямо перейдетъ въ руки мужа“, отъ котораго,

какъ и отъ отца, получить все: „хлѣбъ, идеи, характеръ“. „Для такой дѣвушки малѣйшій ложный шагъ погубитъ все: и репутацію, и чувство чести, и самоуваженіе...“ Другой жизни она не знаетъ и потому считаетъ лучшей своею. Она счастлива уже тѣмъ, что любить своего поручика и ради него готова не только на всякія жертвы, но и „тысячу разъ умереть“.

Иное дѣло Магда. Если „сгорчившись въ уголкѣ“, она дожидается своего „рыцаря“, то не счастье онъ ей принесетъ, а только угнетеніе. Марія если и будетъ рабой, то рабой добровольной, тогда какъ Магда обратится въ рабу подневольную.

У Маріи нѣтъ воли, нѣтъ жизненной энергіи, въ истинномъ значеніи этого слова, поэтому ей и нечего терять. Магда-же была „свободной птицей“ и потому имѣетъ свои собственные волю и желанія. Эта воля будетъ порабощена деспотическимъ путемъ. Для Маріи, если-бы даже она не любила своего мужа, было-бы еще не все кончено, ибо она могла-бы привыкнуть и освоиться съ своей жизнью. Именно про такихъ натуръ говорится: „Свыкнется — слюбится“. Но для Магды этой формулы не существуетъ, потому-что она не обладаетъ способностью „приспосабливаться“.

И вотъ, Шварце, стремясь вернуть актрису Магду на путь самоотреченія во имя семьи, прибѣгаетъ къ послѣднему средству — ultima ratio семейной нравственности — къ ребенку Магды. Помните этотъ крикъ Магды въ сценѣ съ Келлеромъ. „Mio bambino! Твой ребенокъ! Кто ты такой? и т. д.“ Крикъ не только оскорбленной гордости, но и чисто физическій крикъ собственника. Права отца! Хороши права, отъ которыхъ онъ отказался! Хороши права, для которыхъ у отца не осталось никакихъ обязанностей! „Ты пришелъ и ушелъ,“ говоритъ Магда Келлеру. Мать не можетъ придти и уйти. Слѣдовательно, необходимый элементъ семьи, безъ котораго послѣдняя существовать не можетъ, это — мать, отецъ-же — есть явленіе переходящее: былъ и нѣтъ, и даже какъ во французскомъ кодексѣ Наполеона: la recherche de paternité est défendue... И отвергнувъ этотъ переходящій элементъ семьи, развѣ Магда отвергла ребенка? Развѣ онъ, этотъ ребенокъ, не составляетъ для нея высшаго блага жизни? Развѣ съ существованіемъ лишено устоять? Ни мало. Шварце этого не понимаетъ, но это такъ. Она кормитъ ребенка, она работаетъ, она всѣмъ обязана себѣ, она, пота за потой, создала свое благосостояніе, и ей дико и странно, что какой-то ненавистный и презираемый ею Келлеръ долженъ составить обязательную часть міра, „выше котораго нѣтъ“, и налагать руку на ея свободу и независимость. И кто долженъ покориться? Она! Она, привыкшая „повелѣвать“ со сцены и подчинять окружающихъ...

Сцена всѣмъ своимъ строемъ разрушаетъ міръ Шварце, „выше котораго нельзя быть“. Во-первыхъ, она не только уравниваетъ женщину и мужчину экономически, но часто даже даетъ первой преимущество. Всѣмъ намъ часто приходилось видѣть артистическія парочки, гдѣ мужъ состоитъ на положеніи хориста, а жена является примадонной. Антрепренеры плягуютъ эти „привѣски“, но принуждены брать изъ-за талантливой жены, совершенно безполезнаго мужа. Бюджетъ парочки составляется, положимъ, такимъ образомъ: 600 р. жалованье жены и 60 — 75 р. мужа. При такомъ распредѣленіи дохода, кто-же является фактически главою семьи? Исторія быта есть, въ главныхъ чертахъ, исторія экономической борьбы, и исторія семьи не составляетъ исключенія. На сценѣ, какъ, вообще, въ средѣ искусства, гдѣ нѣтъ ничего наслѣдственнаго, но все является благопріобрѣтен-

нымъ, — характеромъ благопріобрѣтенія отмѣчены также и отношенія семьи.

Если вѣрно, какъ замѣтилъ, въ своихъ очеркахъ о борьбѣ за индивидуальность, Н. К. Михайловскій, что въ семьѣ каждая сторона ищетъ въ другой, дополнительной дробь, чтобы составить цѣлое, то слѣдуетъ признать, что, и съ экономической, и съ социальной точки зрѣнія, артистка является собою такую значительную, саму по себѣ, дробь, что почти приближается къ единицѣ. Пришелъ Келлеръ, ушелъ Келлеръ — Магда есть, была и будетъ — Магда. На это можно смотрѣть гораздо легче. И... смотреть.

Вл. Линскій.

Юбилей художниковъ буржуа.

Н едавно исполнился десятилѣтній юбилей со дня основанія одного нашего художественнаго общества. Собственно говоря, это событіе надо было-бы отпраздновать не въ ограниченномъ кружкѣ членовъ этого общества. День знаменательный. Въ этотъ день, десять лѣтъ назадъ, выдѣлилось все наиболѣе посредственное, ремесленное и фальшивое въ русскомъ искусствѣ. Въ продолженіе десяти лѣтъ кадры общества очень пополнились, въ послѣдніе годы даже такими „свѣтилами“, какъ гг. Семирадскій, К. Маковский и Бакаловичъ. Характеръ выставокъ его такъ строго опредѣлился, что вотъ уже 10 лѣтъ остается одинаковымъ и надо думать, долго еще не измѣнится. И символизировалъ бы эти выставки въ видѣ приличнаго на первый взглядъ господина неопредѣленной профессіи, въ выложенномъ, хотя и отъ сквернаго портного, костюмѣ, и въ блестящемъ бѣлѣ-монополь съ запонками изъ фальшиваго золота. Общество процвѣтаетъ, и процвѣтаніе его обуславливается „благоклонностью публики“. Люди, серьезно понимающіе, серьезно любящіе искусство, конечно, не могутъ относиться серьезно къ этому обществу, гдѣ царитъ почти исключительно болѣе или менѣе удачная фальсификація подлѣ искусства, гдѣ непосредственная задача — не искусство, а, какъ-бы сказать, потребление, взаимное, сбытъ. Даже интервьюеры ежедневной прессы понимаютъ суть дѣла и бесѣдуютъ съ членами и предсѣдателями Общества главнымъ образомъ о цѣнности картинъ и о способѣ „не продешевить“. Впрочемъ, въ самомъ существованіи и процвѣтаніи общества художниковъ-потребителей еще нѣтъ особенной бѣды. Все-таки многіе изъ нихъ, не проявляя яркой индивидуальности, не пылая свѣщеннымъ огнемъ“ пишутъ, тѣмъ не менѣе, покуривая сигары и попивая пиво, недурныя картиночки. Даже хорошо, что буржуа охотно покупаютъ эти картиночки и вѣшаютъ по стѣнамъ, ибо все-таки онѣ не безобразныя олеографіи, все-таки въ нихъ въ умѣренныхъ дозахъ и живопись, и рисунокъ, и даже художество. Вѣда въ томъ, что и наши художники-потребители далеко не такъ скромно относятся къ своимъ задачамъ, и главное, что у нихъ есть большая публика, которая серьезно считаетъ ихъ заправскими художниками, ихъ общество заправскимъ художественнымъ обществомъ и ихъ выставки ничуть не уступающія выставкамъ другихъ обществъ. Въ извѣстной части прессы можно встрѣтить весьма одобрительные отзывы по ихъ адресу. У нихъ тоже образовались свои знаменитости, художники съ именами „со своими покупателями“, какъ-вы, напр., гг. К. Стенановъ — „нашъ русскій Мессонье“, Сергѣевъ — „яркій талантъ“, А. Егоровъ — типъ благоприличнаго художника, Е. Егоровъ — „второй Крамской“, Писемскій, съ своими фиолетовыми пейзажами, написанными на патокѣ и малиновомъ сиропѣ, Кондратенко и Шрейберъ, соперничающіе другъ съ другомъ по части палитуръ, дѣйствительно, талантливые, хотя безъ яркой индивидуальности, Берггольцъ и др.

И уже не называю придающихъ, такъ сказать, особую сдобность Обществу знаменитыхъ гг. Менцерекаго, Семирадскаго, К. Маковского и Бакаловича, имена которыхъ такъ прочно установлены, что несмотря на явную фальшивость ихъ произведеній, буржуа еще долго почтительно и съ восхищеніемъ будутъ снимать передъ ними шапки. Къ сожалѣнію, эти имена дѣйствуютъ особенно гипнотизирующе на нашу большую публику. Уровень ея художественнаго вкуса, художественнаго развитія на столько неизмѣнный, что она не въ силахъ самостоятельно разо-

браться, самостоятельно по достоинству оценить произведение искусства. Патентованные знаменитости ей необходимы. Восхищаясь ими, буржуа начинает искренно считать себя знатоком, относится съ уваженіемъ къ своему вкусу. Какъ знаменательно это вѣчно неизмѣнно повторяющееся процвѣтаніе посредственности, ремесленности и шаблона въ искусствѣ, неизмѣнное преклоненіе передъ фальшивыми, но патентованными знаменитостями! Всю ограниченность вкуса и симпатій, всю шаблонность взглядовъ „средняго“ человека вносятъ цѣликомъ буржуа и въ свое отношеніе къ искусству.

И вотъ, находитъ не мало художниковъ, перѣдко отнюдь не бездарныхъ, которые идутъ съ распростертыми объятіями на выручку буржуазной толпѣ, растративъ слабыя задатки и остатки искренности, безкорыстного служенія искусству въ прилизанныхъ, ошлепанныхъ прикрашенныхъ формахъ поддѣльного искусства. Они льстятъ буржуазной толпѣ, и толпа ихъ любитъ ихъ... покупаетъ. Въ юбилейныхъ рѣчахъ обыкновенно послѣ выясненія значенія торжества, заслугъ юбиляровъ, высказываются пожеланія. Но что же мы можемъ пожелать почтенному художественному Обществу?.. Пріятнаго аппетита и въ будущемъ? Но вѣдь и безъ нашихъ пожеланій сытый буржуа любитъ хорошо покушать и... покормить другихъ, тѣмъ болѣе любимыхъ и знаменитыхъ художниковъ.

А. Ростиславовъ.

Одинъ изъ вопросовъ постановки.

(Письмо въ редакцію).

Существуетъ ли у насъ свое русское декорационное искусство, какъ самостоятельная отрасль живописи, и гдѣ его школа? Эгого вопроса пришелъ намъ въ голову по поводу готовящейся новой постановки оперы „Садко“ Римскаго-Корсакова на сценѣ Маринскаго театра. Разборъ декорационной постановки никогда серьезно критикой не обсуждается. Обыкновенно перечисляются декорации съ прибавкой, что одна хороша, другая—еще лучше, и болѣею частью читаешь, что обстановка была по казенному блестяща. И въ этой фразѣ „по казенному блестяща“ нельзя не видѣть самаго жестокаго осужденія существующей системы. Большая часть публики, прочтя такъ афишахъ, что „парики и обувь—такого-то, а декорации такихъ-то“, совершенно удовлетворяется такимъ положеніемъ и привыкаетъ ставить достоинство декораций, въ параллель къ достоинствамъ сапоговъ и париковъ.

Благодаря отчужденію критики отъ декорационнаго искусства, послѣднее совершенно не популярно. Между тѣмъ, такіе имена, какъ покойные Шишковъ и Бочаровъ, создали и школу, и русское декорационное искусство. До нихъ сцена была въ рукахъ нѣмцевъ—Роллера и Вагнера, выписанныхъ изъ-заграницы и само собою, ничего не создавшихъ русскаго для нашей русской сцены.

Декорации Шишкова къ „Ворису Годунову“, „Руслану и Людмилѣ“, и Бочарова къ: „Жизнь за Царя“ и „Русалкѣ“ составляютъ гордость русскаго искусства. Но мы забыли даже, по смерти Шишкова и Бочарова, подвести итоги ихъ заслугамъ для русскаго театра, и гипсовый бюстъ Бочарова скромно прячется отъ глазъ публики въ его бывшей мастерской, хотя ясно, что мѣсто для такихъ бюстовъ въ фойе тѣхъ театровъ, для которыхъ эти художники жили и работали.

„Но жертвенникъ погасъ, огонь еще пылаетъ“: пока остались достойные представители Шишковской школы въ лицѣ: Иванова, Ламбина, Алегри, Янова, Каменскаго. Я говорю пока, потому что, за прекращеніемъ дѣятельности одного изъ названныхъ художниковъ, дирекція казенныхъ театровъ остается безъ подготовленныхъ художниковъ-декораторовъ, такъ какъ школы въ томъ смыслѣ, какую она была при Шишковѣ,—нѣтъ. Декорационный классъ при академіи художествъ, въ силу какихъ-то соображеній, закрытъ; казенные декораторы слишкомъ завалены работою, чтобы серьезно заниматься учениками, а матеріальное вознагражденіе декораторовъ настолько незаманчиво, что молодые художники, окончивающіе академію, скорѣе дѣлаются учителями, чѣмъ рискуютъ отдаться изученію въ высшей степени интересной художественной отрасли. И опять приходится выписывать декораторовъ изъ-за границы, и туда же посылать заказы.

„Да послужатъ эти стѣны на процвѣтаніе русскаго декорационнаго искусства“—вотъ девизъ, красующійся большими буквами на одной изъ стѣнъ бывшей, такъ называемой Шишковской, мастерской. Но стѣны сами по себѣ мертвы. Увы, не всякій художникъ, даже очень талантливый, можетъ быть декораторомъ. Это доказываетъ опытъ. Мѣсто Бочарова, какъ декоратора-пейзажиста, не занято,

несмотря на то, что есть не мало прекрасныхъ пейзажистовъ.

Сцена условна, условія эти должны знать художники и, volens-nolens, подчиняться имъ. Тѣмъ незамѣннѣе скроются отъ глазъ публики условности сцены, тѣмъ искуснѣе декораторъ. Самая живописъ декорации тоже условна: попробуйте написать декорации такъ, какъ пишутся картины, и онѣ не будутъ годны для сцены. Декорации должны быть воздушны, легки, не кричать о своемъ присутствіи. Въ этомъ ихъ скромность и ихъ достоинство, ибо декорация для сцены является только средствомъ, а никакъ не самоудовлетворяющею цѣлью.

Для сцены Маринскаго театра готовится новая постановка оперы „Садко“ Римскаго-Корсакова. Эскизы декораций и костюмовъ заказаны извѣстному пейзажисту Аппол. Мих. Васнецову. Такъ читаемъ мы въ газетахъ.

Я раньше говорилъ, что мѣсто Бочарова, какъ пейзажиста, осталось незанятымъ, и, конечно, нужно стараться заполнить этотъ видный пробѣлъ, и очень можетъ быть, что Ап. Васнецовъ, братъ знаменитаго художника, съ годами тоже займетъ почетное мѣсто въ ряду декораторовъ. Но это еще гадательно, и пока говорить объ этомъ рано.

Понятно, что извѣстный пейзажистъ пишетъ извѣстные пейзажи, а извѣстный жанристъ—извѣстные жанры, бываетъ, что жанристъ пишетъ недурные пейзажи или наоборотъ, хотя одно менѣе совершенно, чѣмъ другое. Но въ мірѣ театра хорошій пейзажистъ-декораторъ никогда не можетъ быть хорошимъ архитекторомъ-декораторомъ, иначе говоря, широкій размахъ пейзажиста не уживается со строгими линиями архитектуры. Покойный Бочаровъ, будучи чуднымъ пейзажистомъ, не могъ хорошо написать архитектурной декорации, а Шишковъ, хотя и звалъ пейзажъ, но никогда не доходилъ въ немъ до совершенства Бочарова.

Мало цѣлой жизни, чтобы достигнуть полнаго совершенства въ какой-либо отрасли искусства.

Что же дѣлаютъ талантливые декораторы Ивановъ, Ламбинъ, Алегри? Опера „Садко“, думается, подходит къ ихъ силамъ, и здѣсь, дѣйствительно, они могли бы показать и знаніе стиля, и богатство фантазій.

К. Ивановъ, какъ художникъ-декораторъ, крупная личность. Такимъ художникомъ могла бы гордиться любая европейская сцена, и развѣ можно сопоставить его съ знаменитымъ мюнхенскимъ декораторомъ Лаутеншлегеромъ? По строгости рисунка и знанію стиля, Ивановъ—единственный прямой ученикъ Шишкова, оставшійся на казенной сценѣ и достойно продолжающій дѣло своего учителя. Неужели строгое знаніе стиля и русской архитектуры этого выдающагося художника игнорируется, а его сильный сочный колоритъ тратится на блѣдное раскрашивание залъ въ стилѣ Людовиковъ. А гг. Ламбинъ и Алегри?! Эго художники-декораторы съ рѣдкимъ вкусомъ; неужели они не попробуютъ своихъ силъ въ этой интересной въ художественномъ смыслѣ, какъ „Садко“ Римскаго-Корсакова оперѣ!

Очень можетъ быть, что постановка оперы и выйдетъ блестящей по казенному, но этого мало. Съ имѣющимися въ распоряженіи дирекціи художниками можно сдѣлать постановку не только блестящей, но и художественной по своей правдѣ, вкусу и фантазій, и этой постановкой показать до какой степени выросло русское декорационное искусство, что оно самосостоятельно, и что необходимо поддерживать его, а для этого нужна школа, о чемъ пора уже позаботиться.

Ю. Р.

ФРАНЦУЗСКАЯ ОПЕРЕТТА.

Г-жа Таріель-Боже.

ХРОНИКА

театра и искусства.

„Рус. Слово“ сообщает содержаніе новой драмы Л. Н. Толстого „Трунт“.

Сюжетъ драмы, какъ и послѣднихъ произведеній гр. Толстого: „Власти тѣмъ“ и „Воскресеніе“, взятъ авторомъ изъ судебной хроники.

Нѣкій мелкій чиновникъ женится на молодой дѣвушкѣ, и первое время бракъ этотъ представляется довольно счастливымъ. Проходитъ нѣсколько лѣтъ, и отъ семейнаго счастья молодой четы не остается и слѣда. Мужъ начинаетъ злоупотреблять спиртными напитками, постепенно спивается съ кругу и въ концѣ концовъ попадаетъ на Хитровъ рынокъ. Одиночество и нищета вынадеваютъ на долю бѣдной женщины, оставшейся безъ поддержки и безъ всякихъ средствъ къ существованію. Но она не падаетъ духомъ, и ей удается получить мѣсто, обезпечивающее ей по крайней мѣрѣ хлѣбъ насущный.

Проходитъ время и молодая душа начинаетъ тиготиться одиночествомъ. Покинутый спившимся мужемъ женщина полюбила управляющаго тѣмъ учрежденіемъ, въ которомъ она служитъ. Тотъ отвѣчаетъ ей тѣмъ же чувствомъ. Но ни онъ, ни она не желаютъ незаконной связи, а вступитъ въ бракъ при живомъ мужѣ нельзя, развестись—также не представляется надежды. И вотъ имъ приходится въ голову мысль.

Они розыскиваютъ на Хитровкѣ мужа и тотъ за небольшую пенсію соглашается разыграть роль мнимо-умершаго. Согласно предварительному уговору, жена заявляетъ полиціи о пропащемъ безъ вѣсти мужѣ своимъ, одежду и паспортъ котораго находятъ на берегу рѣки, что даетъ возможность предположить, что онъ утопился или утонулъ въ пьяномъ видѣ. Случай приходитъ на помощь заговорщикамъ.

Какъ разъ въ это время на Москвѣ-рѣкѣ всплываетъ трупъ неизвѣстнаго мужчины, который, будучи предъ-явленъ заявительницѣ, признается ею за трупъ ея мужа. Препятствія, такимъ образомъ, устранены, и любящіе другъ друга молодые люди вступаютъ въ законный бракъ, оказывающійся очень удачнымъ и счастливымъ.

Тайна обнаруживается случайно.

Мнимо-утопунувшій мужъ, пьяный, въ трактирѣ, разбалтываетъ ее передъ компаніей добрыхъ друзей, которой, называя себя „группомъ“, рассказываетъ всю исторію. Тутъ же среди пьяной компаніи возникаетъ изъ-за чего-то ссора и драка, финалъ которой, какъ водится, разыгрывается въ участкѣ, гдѣ, между прочимъ, раскрывается и псевдонимъ мнимо-утопунувшаго хитровца.

Возникаетъ уголовное дѣло, которое разсматривается судебной палатой съ участіемъ сословныхъ представителей. Палата, на точномъ основаніи закона, признаетъ всѣхъ тронхъ привлеченныхъ къ дѣлу лицъ виновными и приговариваетъ ихъ къ соответствующему наказанію.

Финалъ драмы, какъ и въ романѣ „Воскресеніе“, происходитъ уже въ Сибири, гдѣ всѣ трое дѣйствующихъ лицъ опять сходятся.

Отвѣтственность за это изложенеіе оставляемъ за Московской газетой.

* * *

„Нов. Дня“ сообщаютъ содержаніе новой драмы Чехова „Три сестры“.

Съ перваго-же явленія мы знакомимся со всѣми тремя сестрами, Ольгой, учительницей гимназіи, Машей, женой учителя гимназіи, и Ириной, молодой, 20-лѣтней дѣвушкой. Онѣ—дочери генерала, годъ назадъ умершаго; прекрасно воспитаны, образованы, съ благородными натурами, которыхъ тянетъ къ жизни свѣтлой, разумной, содержательной. Хочется истиннаго и искренняго счастья и вѣрится, что оно—не сказка минавшихъ лѣтъ, но возможно и теперь. За окнами—весна, и стблески ея—въ сердцахъ трехъ сестеръ, особенно Ирины. Но онѣ уже десять лѣтъ живутъ въ глухомъ провинціальномъ городѣ, и главная ихъ мечта—поскорѣе вырваться отсюда въ Москву, гдѣ онѣ родились, и гдѣ готовятся на профессора ихъ старшій братъ Андрей. Мечта о Москвѣ тянется черезъ всю пѣсу. Москва даже для тѣхъ, кто не намѣренъ видѣть въ изображеніи Чехова обобщенія русской жизни, невольно вырастаетъ до значенія широкаго символа. Мечта-бы обманула, если-бы и сбылась. Но она и не сбывается. Она будетъ съ каждымъ днемъ казаться все неосуществимѣе, и послѣдняя красота жизни трехъ сестеръ, греза и порывъ, будутъ все вянуть и блекнуть подъ напоромъ непобѣдимыхъ мелочей жизни, глупаго сцѣпленія случайныхъ фактовъ и общаго мрака унынія. Утѣшеніе—въ трудѣ. „Человѣкъ долженъ трудиться, работать въ потѣ лица, кто-бы онъ ни былъ, и въ этомъ одномъ заключается смыслъ и цѣль его жизни, его счастье, его восторгъ!... Не одна Ирина думаетъ такъ... Въ

этомъ—послѣднее убѣжище многихъ отъ безнадежности. Во второмъ актѣ Ирина до усталости работаетъ на телеграфѣ, въ третьемъ—въ земской управѣ, —но не даетъ этотъ трудъ «счастья, восторговъ». Все туже затягивается петля жизни. Тупая боль въ головѣ, отчаяніе въ сердцѣ. Образъ Ирины—наиболѣе печальный въ драмѣ, потому что на нее особенно тяжелыми ударами падаютъ сумерки.

Вокругъ сестеръ нѣсколько весьма характерныхъ фигуръ, подернутыхъ все тою-же дымкою унынія. Подполковникъ Вершининъ, мечтающій о золотомъ вѣнкѣ черезъ столѣтія, у котораго жена неоднократно травится, чтобы досадить мужу, и которому суждено пробудить какую-то нескладную, надрывную любовь въ сестрѣ Машѣ, женѣ ограниченнаго, глупо самодовольнаго учителя Кулигина; поручикъ баронъ Тузенбахъ, который силится быть оптимистомъ, но отъ его оптимизма вѣетъ жутко, и который влюбленъ въ Ирину, молитъ о счастьѣ сдѣлаться его женою; штабсъ капитанъ Соленый, тоже страдающій въ любви къ презирающей его Иринѣ, застѣчивый, нескладный; военный врачъ Чебутыкинъ, забывшій и авбуку медицины, запойный пьяница.

Братъ трехъ сестеръ женится на ограниченной провинціальной барышнѣ, terre-à terre, легкомысленной, невѣрной женѣ, но смѣтливой, умѣющей понемногу прибрать домъ къ рукамъ. И туча унынія еще болѣе нависаетъ надъ нимъ. Мужъ все болѣе затягивается тиною будней. Въмѣсто московской профессуры—тоска по несбывшейся мечтѣ, по неудавшейся славѣ, да усиленный картежъ, да плачущая скрипка въ минуты, когда особенно остро почувствуется дѣйствительность. Ольга все болѣе надрывается въ гимназіи, Маша, болѣе грубая, но и болѣе цѣльная изъ сестеръ, все ниже сгибается, все болѣе захлебывается въ слезахъ и желчи отъ двойного гнета—нелюби къ мужу и любви къ полковнику, Ирина все сильнѣе блекнетъ въ своихъ лучшихъ порываніяхъ, мечется въ тоскѣ и ото всѣхъ все далѣе уходитъ мечта—Москва. Вершининъ все тоскливѣе мечтаетъ о томъ, что будетъ черезъ тысячу лѣтъ, Тузенбахъ все безпомощнѣе споритъ съ нимъ и бодритъ себя виномъ, Соленый все сумрачнѣе влюбленъ въ Ирину. И изо всего этого получается все болѣе угнетающая, нелѣпая нескладная будничныхъ столкновений изъ-за комнаты, денегъ, прислуги.

Безсмысленность жизни,—вотъ главная тема. И не можетъ быть въ ней смысла,—вотъ печальное резюме.

— А смыслъ,—спрашиваетъ Маша.

— А смыслъ?—Вотъ снѣгъ идетъ. Какой смыслъ?

Развѣ что.—«Въ Москву, въ Москву, въ Москву!»,—какъ кончается Ирина 2-й актъ пьесы. Но жизнь уходитъ, и «никогда мы не поѣдемъ въ Москву!», — какъ говоритъ та-же Ирина въ другомъ мѣстѣ, и ея символъ вѣры—о трудѣ уже смѣнился другимъ: «я ненавижу, я презираю трудъ»..

Развязка—такая-же нескладная на видъ, но глубоко правдивая, съ нѣлпыми выстрѣломъ Соленаго въ барона, не разрѣшающимъ, но еще сгушающимъ атмосферу тоски, не разсѣивающимъ, но усугубляющимъ кошмаръ жизни.

Руководя вручена Художественно-общедоступному театру, и на-дняхъ театръ приступитъ къ подготовительной работѣ по постановкѣ пьесы. Постановка отниметъ мѣсяцъ съ небольшимъ.

* * *

Въ Совѣтѣ Театральнаго Общества въ настоящее время разрабатывается инструкция агентамъ.

* * *

† А. П. Коломинъ. 24 ноября скоропостижно скончался товарищъ предсѣдателя дирекціи Литературно-Художественнаго Общества, Алексѣй Петровичъ Коломинъ. Глубокая скорбь водить моимъ перомъ въ настоящую минуту. Я много лѣтъ зналъ покойнаго и сердечно любилъ этого, на видъ суховатаго, но прекраснаго, душевнаго и честнаго человѣка. Юристъ по образованію и по роду дѣятельности (покойный былъ присяжнымъ повѣреннымъ), А. П. Коломинъ сохранилъ и въ жизни и въ обиходѣ справедливость, безпристрастіе и кажущуюся безстрастность, подъ которой таилось мягкое, отзывчивое, чуткое сердце. Кому не помогаль Коломинъ? Кто не обращался къ нему за содѣйствіемъ? И много-ли найдется среди знавшихъ его такихъ, которые могутъ сказать, что ни чѣмъ ему не обязаны?

Коломинъ былъ человѣкомъ замѣчательно здраваго, яснаго и положительнаго ума. Его сужденія были мѣткія и правдивыя. „Другъ артистовъ“, онъ былъ чрезвычайно популяренъ въ театральныхъ сферахъ.

Покойный былъ однимъ изъ иниціаторовъ Литературно-Художественнаго Общества,—ранѣе именовавшагося Литературно-Артистическимъ Кружкомъ и перестроившагося изъ „Столичнаго Кружка“. Въмѣстѣ съ пишущимъ настоящіи строки, онъ работалъ надъ пересмотромъ устава, и проявлялъ самое дѣятельное участіе въ дѣлахъ этого учре-

ждения. Много лѣтъ А. П. Коломнинъ былъ дѣйтельнымъ товарищемъ предсѣдателя и членомъ „театральной дирекціи“, состоящей изъ трехъ лицъ. Кромѣ добраго и хорошаго, объ Алексѣѣ Петровичѣ никто изъ актеровъ ничего не скажетъ. Если у него были свои пристрастія, то онъ и не скрывалъ ихъ. Человѣкъ прямой, онъ всегда говорилъ что думалъ, и поступалъ, какъ говорилъ. Такія дѣльныя и по складу своеобычныя натуры всегда вызываютъ къ себѣ невольное уваженіе, несмотря на разницу взглядовъ и убѣждений.

Что еще прибавить? Право затрудняешься, какъ-бы вѣрнѣе выразить свои чувства. Коломнинъ былъ человѣкомъ порядка. И мнѣ все представляется, какъ будто изъ круга близкихъ дѣлъ и интересовъ выхватченъ не только хорошій человѣкъ, но и какой-то большой и важный двигатель и регуляторъ. А. К.

* * *

Представленіе «Контрабандистовъ» («Сыновъ Израиля») гг. Ефрона и Крылова на сценѣ Малаго театра 23 Ноября ознаменовалось, къ прискорбію, безпримѣрнымъ скандаломъ.

Спектакль начали безъ четверти въ восемь, но публика была на мѣстахъ уже значительно раньше. Еще до поднятія занавѣса, въ верхнихъ ярусахъ слышалось какое-то зловѣщее шипѣніе. Съ поднятіемъ занавѣса, это шипѣніе превратилось въ сплошной свистъ и крикъ. Занавѣсъ опустили и передъ публикой появился режиссеръ Е. П. Карповъ, обратившійся съ просьбою дослушать пьесу до конца, а потомъ судить. Но никто не внялъ этому голосу благоразумія. Какофонія съ каждой секундой увеличивалась и черезъ какихъ-нибудь полчаса послѣ начала спектакля приняла грандіозные размѣры. Артисты же продолжали мимировать, подъ гулъ, свистъ, гудѣніе особыхъ снарядовъ «сиренъ», визгъ, неумолчный говоръ и перебранку.

Какъ только показался на сценѣ г. Тинскій, загримированный евреемъ, крики еще больше увеличились и, вдобавокъ, на сцену посыпались въ изобилии яблоки, огурцы, бинокли, и особенно кашоши. Контузіи получили гг. Глаголинъ и Сѣверскій и др.

Вскорѣ для усмиренія публики и возстановленія порядка, появилась полиція, занявшая всѣ проходы и выходы не только въ зрительномъ залѣ, но и на сценѣ.

Страсти достигли апогея. Послышались стоны, рыданія, плачъ. Съ кѣмъ-то случилась истерика, рядомъ—другая. Какой-то офицеръ въ обморокъ упалъ посреди залы. Въ другомъ мѣстѣ молоденькая барышня неистово кричала и почему-то звала къ себѣ на помощь. Еще дальше, въ правомъ углу, плечистый дѣтина вскочилъ на стулъ и пробовалъ что-то сказать, но увы, его моментально стащили за ноги со стула.

Публика, повернувшись спиной къ сценѣ, стала внимательно смотрѣть, что происходитъ въ верхнихъ ярусахъ.

Между тѣмъ спектакль, если это можно назвать спектаклемъ, продолжался своимъ чередомъ. Акты были сведены до минимума. За г. Тинскаго, уѣхавшаго изъ театра, кто-то выходилъ и дѣлалъ знаки. Картина въ синагогѣ была выпущена. Заключительная сцена въ новой редакціи также измѣнена: прежде отецъ убивалъ свою дочь, т. е. «казнилъ», теперь онъ чуть ли не благословлялъ ее.

Наконецъ, потушили огни и опустили, для предосторожности, желѣзныя занавѣсы. Невыразимо тяжелое чувство вынесли мы изъ театра.

Сохранилось преданіе, что аеиняне оштрафовали драматурга, поставившаго на сценѣ пьесу на сюжетъ паденія независимости малоазійскихъ грековъ. Пьеса, говоритъ преданіе, была написана такъ сильно, что весь театръ рыдалъ. Казалось бы, за что штрафовать автора, способнаго поднять въ зрительяхъ столь сильное чувство? Но пьеса, вмѣстѣ съ слезами жалости, будила другое чувство, гнѣвъ на свое безсиліе и чувство мести къ варварамъ. И потому, что это было такъ, аеиняне наложили пеню на автора. Такъ смотрѣли эллины, искавшіе въ искусствѣ искусства, на тенденціозную окраску драматическаго представленія...

Вл. Липскій.

* * *

17 ноября въ Московскомъ Маломъ театрѣ состоялся прощальный бенефисъ артистки Уманецъ-Райской; давалась комедія Островскаго „Таланты и поклонники“, причѣмъ роль актрисы Нѣгиной играла въ первый разъ послѣ болѣзни М. Н. Ермолова. Спектакль вышелъ очень шумный и носилъ характеръ демонстраціи. Г-жу Ермолову принимали восторженно. Бенефициантъ также устроилъ рядъ овацій; обѣимъ артисткамъ поднесли множество вѣнковъ, букетовъ, цвѣтовъ и цѣнныхъ подарковъ; кромѣ того г-жа Уманецъ-Райская во время чествованія при открытой сценѣ получила брилліантовый шифръ за 20 лѣтъ службы. Режиссеръ Черневскій сказалъ при этомъ нѣсколько словъ.

† М. Б. Соловьевъ (некрологъ). Въ пятницу, 17 ноября скончался хорошій артистъ труппы Бородай, Михаилъ Борисовичъ Соловьевъ. Покойный происходилъ изъ купеческой семьи Калужской губерніи, родился въ Орлѣ и съ молодыхъ лѣтъ пошелъ въ актеры. Карьеру онъ началъ у отца, въ Тулѣ, и прослужилъ на сценѣ 45 лѣтъ. Въ прежнее время, въ болѣе молодые годы, онъ занималъ видное положеніе въ актерскомъ мірѣ, считался хорошимъ исполнителемъ преимущественно бытовыхъ героевъ и простаковъ. Подъ старость пришлось работать чаще всего для ансамбля, на вторыхъ роляхъ. За долгую службу М. Б., конечно, побывалъ во всѣхъ театральныхъ городахъ провинціи, но послѣднія 10—12 лѣтъ служилъ исключительно въ товариществѣ М. М. Бородай, будучи однимъ изъ старѣйшихъ членовъ его. Какъ человѣкъ, онъ пользовался расположеніемъ своихъ товарищей.

* * *

† А. К. Шеллеръ (Михайловъ).

† А. Н. Шеллеръ. Сообщенное газетами нѣсколько времени назадъ извѣстіе о смерти А. К. Шеллера къ несчастью оправдалось: 21 ноября въ полдень его не стало. Онъ родился 30-го іюля въ 1838 году въ Петербургѣ въ эстонской семьѣ. Первоначальное образованіе А. К. получилъ въ Annen-Schule и слушалъ лекціи въ Петербургскомъ университетѣ. Но окончательное образованіе онъ завершилъ за границею. Первые его опыты были помѣщены въ иллюстрированномъ журналѣ А. Плюшара «Весельчакъ» за 1859 годъ здѣсь были напечатаны статьи Шеллера, подъ заглавіемъ: «Мои бесѣды», и подписаны А. Релешъ. Послѣ трехлѣтняго перерыва въ «Современникѣ» появились его стихотворенія, подписанныя А. Михайловъ. Въ 1863 году Некрасовымъ были приняты два его романа: «Гнилыя болота», напечатанныя въ 1864 году, и «Жизнь Шупова», напечатанная въ 1865 году. По прекращеніи «Современника», А. К. приглашенъ былъ редакторомъ по иностранному отдѣлу въ «Русское Слово», а по закрытіи этого журнала принялъ общую редакцію «Дѣла», гдѣ появились и его романы, и научныя статьи. Съ 1877 г. состоялъ редакторомъ «Живописнаго Обзорія» и нѣсколько лѣтъ газеты «Сынъ Отечества».

Изъ романовъ покойнаго болѣе другихъ извѣстны «Гнилыя болота», «Лѣсъ рубятъ — щепки летятъ» «Паденіе», «Ртищевъ», «Семья Муравьевыхъ», «Безпечальное житіе», «Голь», «Алчущіе», «Господа Обносковы» и др.

* * *

18-го ноября, въ 2 ч. дня, въ консерваторіи состоялось открытіе музея имени А. Г. Рубинштейна. Собранная коллекція пока не очень богата. Въ музеѣ находятся рубинштей-

новскія шляпы, рубинштейновскія тросточки, дирижерскія палочки, попирты и проч., но розыскать какія нибудь цѣнныя рукописи Рубинштейна трудно. Впрочемъ, нѣсколько отдѣльныхъ вещей въ этомъ музеѣ, дѣйствительно, заслуживаютъ вниманія. Въ первой витринѣ у входа, на видномъ мѣстѣ, лежитъ собственноручно написанная А. Г. рукопись увертюры на открытіе зданія консерваторіи въ С.-Петербургѣ. Изъ другихъ рукописей назовемъ: увертюра на открытіе зданія новой консерваторіи, факсимиле романа «Madelens Abendgedanken», либретто оперы «Дмитрій Донской», собственноручная рукопись либретто «Демоны». Кроме того, упомянемъ о нѣмецкихъ либретто его оперъ «Дѣти степей» (съ его отмѣтками) и «Потерянный Рай» (тоже), Concert d'Amérique — проектъ артистическаго труппе, написанный его рукой въ 1872 г. и двѣ рукописи партитуръ: «Агаръ въ пустынѣ» и «Гекуба».

Въ каталогѣ музея указывается еще нѣсколько рукописей либретто, русскихъ и нѣмецкихъ, но онѣ гдѣ-то спрятаны. Изъ другихъ предметовъ выдѣляется роскошный беккеровскій рояль, стоявшій въ петергофской виллѣ Рубинштейна. Здѣсь же находится мраморный бюстъ А. Г., присланный ему къ юбилею въ 1880 году его берлинскими друзьями и почитателями. Большой интересъ, естественно, представляетъ еще снимокъ съ руки А. Г. Рубинштейна, сдѣланный проф. Чинсовымъ въ 1891 году. Изъ портретовъ можно указать написанный черомъ г-жею Бемъ портретъ А. Г. съ его собственноручною подписью, а также портретъ, написанный масляными красками художникомъ Горовскимъ. Затѣмъ, слѣдуютъ бюсты и медалионы, украшавшіе его салонъ въ Петергофѣ, серебряныя вѣнки и драгоценныя подношенія, юбилейныя адреса, надгробныя вѣнки и разныя мелкія вещи. Въ числѣ дипломовъ на почетныя званія есть, между прочимъ, одинъ очень интересный документъ, — это дипломъ на званіе свободного художника, выданный с.-петербургскою консерваторіей въ 1868 г. своему основателю, въ которомъ говорится, «что артистъ 1-го разряда Императорскихъ театровъ Антошъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, православнаго вѣроисповѣданія, 33 лѣтъ, 20-го февраля 1863 г., былъ допущенъ, согласно прошенію, къ экзамену на званіе свободного художника и особою комиссіей экзаменаторовъ, по разсмотрѣніи его музыкальныхъ сочиненій и во вниманіе къ его всемірной артистической извѣстности, удостоенъ званія свободного художника». Собраніе сочиненій Рубинштейна находится въ двухъ небольшихъ шкафахъ. Остальное особеннаго интереса не представляетъ.

* * *

Пресловутая Тина-ди-Лоренцо начнетъ свои гастроли 28-го ноября въ Кіевѣ. Въ Москвѣ будетъ играть въ первый разъ въ воскресенье, 3-го декабря.

* * *

«Предѣлъ», шедшій въ бенефисъ г. Свѣтлова въ театрѣ Корна, не имѣлъ успѣха.

* * *

Л. В. Щупинъ, въ Москвѣ сдалъ на лѣто свой театръ саратовско-казанскому оперному товариществу М. М. Бородал.

* * *

Кн. Менцерскій одинъ изъ своихъ дневниковъ посвящаетъ бѣдному русскому казенному театру (слово кн. Менцерскаго), приобрятающій все болѣе характеръ денаргаментскаго бездупія. Между прочимъ, кн. Менцерскій обращаетъ вниманіе на слѣдующій, какъ онъ называетъ, психическій курьезъ, характеризующій нашъ театръ и служущій препятствіемъ для развитія всякаго таланта.

«Какъ чиновникъ, сдѣлавшійся надворнымъ совѣтникомъ убѣжденъ, что ему уже нечему учиться, такъ и русскій актеръ послѣ нѣсколькихъ хлопковъ райка и трехъ фельетоновъ газетки, убѣждается, что ему не только нечему учиться, но даже некуда идти выше, что онъ совершенство, и съ этой минуты играя все хуже, развиваетъ въ себѣ только одно: глупость самонѣнія до комическихъ размѣровъ. Оттого Соquelin въ Парижѣ кокетничаетъ своею скромностью, а наши Коклены Александринки бьютъ вамъ въ носъ отрывками своей самоуверенности. Оттого такъ хорошъ парижскій театръ, и такъ плохъ нашъ театръ!»

* * *

Шпажинскій — это колоритная, яркая сумбурная женщина «бой-баба», «жохъ-дѣвка», «майорша-командиръ», которая производитъ смуту, зло, и иногда добро не зная зачѣмъ, и которая угмонится, когда ее какъ слѣдуетъ выладутъ замужъ. Играть Шпажинскаго безъ его героини совершенно бесполезно. Драматическій кружокъ сдѣлалъ 22 ноября подобный опытъ, отдавъ въ «Забытой усѣбѣ» по случаю бо-

лѣзни артистки, роль Глафиры г-жѣ Байковой, игравшей безъ репетицій. Безъ «хозяйки» пьесы исполнители чувствовали себя только гостями, даже мало знакомыми другъ съ другомъ. Слабъ былъ г. Иртеневъ, безжизненъ г. Таманскій, слащава г-жа Мерцъ и безцвѣтенъ г. Сѣронъ. Выгодно выдѣлялись г. Вѣтковъ, игравшій безъ шаржа и мило, и г. Берниковъ, имѣвшій счастливыя положенія и давшій вполнѣ законченный образъ. Отмѣчу курьезъ: староста (г. Троицкій) появился въ маюкетахъ съ изящными запонками. О. Д.—овъ.

* * *

3-го декабря празднуетъ сорокалѣтіе своей артистической дѣятельности одинъ изъ лучшихъ нашихъ балетныхъ артистовъ, извѣстный танцовщикъ Павелъ Андреевичъ Гердтъ.

Хореографическій талантъ П. А. обнаружилъ, когда онъ, будучи еще ребенкомъ, выступилъ въ 1858 г. въ бенефисѣ балерины г-жи Фридбергъ. М. И. Петина, бывшій въ то время преподавателемъ танцевъ, предсказалъ ему блестящее будущее и принять его въ свой классъ. Окончилъ с.-петербургское театральное училище Г. въ 1865 г., пройдя курсъ танцевъ подъ руководствомъ Петина-отца, Пименова, Югансона, М. И. Петина и др. Уже съ первыхъ лѣтъ своей служебной дѣятельности, П. А. пользовался большими симпатіями публики. Первый бенефисъ, полученный Гердтомъ 31 января 1871 г., совместно съ г-жами Вавемъ и Вергиной, былъ полнымъ для него торжествомъ. Первый полный бенефисъ за десятилѣтнюю службу онъ получилъ 12 января 1875 г., поставивъ въ этотъ

П. А. Гердтъ.
(Къ 40-лѣтнему юбилею).

П. А. Гердтъ.
(Къ 40-лѣтнему юбилею).

день бал. «Голубая гергина». Въ этомъ балетѣ въ 1-й разъ дебютировала М. М. Петина. Благодаря рѣдкой граціи въ движеніяхъ, красивымъ позамъ и умѣнью выражаться технически, «поддерживать» танцовщицу, П. А. до настоящаго времени является незабвеннымъ кавалеромъ въ балетѣ и сооперникомъ почти не имѣетъ. Выработавъ въ себѣ осмысленную мимику и одаренный темпераментомъ, П. А. пользовался одинаковымъ успѣхомъ какъ въ танцахъ, такъ и въ мимико-драматическихъ роляхъ. За 40-лѣтнюю службу на петербургской сценѣ выступалъ въ десяткахъ балетовъ, въ которыхъ онъ, исполняя главныя мимическія роли, навсегда останется въ памяти балето-

мачовъ. Наибольшій же успѣхъ изъ такихъ ролей онъ имѣлъ, въ сценѣ сумасшествія, въ бал. «Дѣва Дуная», поставленномъ впервые въ 1880 г. Старожилы до сихъ поръ вспоминаютъ pas de deux въ бал. «Жизель», которымъ П. А. вмѣстѣ съ г-жею Гранцевою, приводилъ, въ началѣ 70-хъ годовъ, въ неописуемый восторгъ посѣтителей Большаго театра. То же самое можно сказать и про pas de deux съ г-жею Мадаевою въ бал. «Сатанилла». Почти всѣ 40 лѣтъ П. А. прослужилъ исключительно на петербургской сценѣ, если не считать его поѣздки въ 1867 г. съ В. А. Лядовою на гастроли въ Вильну. Несмотря на свой почтенный возрастъ, П. А. до настоящаго времени на столько бодръ и элегантенъ на сценѣ, что лица, не видавшія его въ живахъ, никогда не подумаютъ, что этотъ

артистъ вскорѣ будетъ праздновать свой сорокалѣтній юбилей. Въ послѣднее время П. А. состоитъ преподавателемъ танцевъ въ театральномъ училищѣ.

* * *

Намъ пишутъ изъ **Кіева**. Въ № 46 „Театра и Искусства“ посвящено нѣсколько строкъ дальнѣйшимъ злоключеніямъ г. Вородая по арендѣ городского театра въ Кіевѣ. Редакція, вѣроятно, была введена въ заблужденіе специальной телеграммой „Россіи“, сообщавшей *никогда не существовавший* фактъ неутвержденія г. Кіевскимъ губернаторомъ рѣшенія городской думы заключить контрактъ съ г. Вородаемъ. Въ Кіевѣ ни для кого изъ интересующихся этимъ вопросомъ не было тайной дѣйствительныя причины неутвержденія. Дѣло въ томъ, что думскіе заправилы поступили съ начальникомъ губерніи также безцеремонно, какъ вообще привыкли поступать со всѣми, имѣющими дѣло съ кіевскимъ городскимъ управленіемъ. Пославъ г. губернатору на утвержденіе рѣшеніе думы 26 октября, уполномочивающее управу заключить договоръ съ г. Вородаемъ на аренду городского театра, господа эти не потрудились приложить условіе самого договора. Очевъ понятно, что начальникъ губерніи, прежде, чѣмъ утверждать неизвѣстный ему договоръ, пожелалъ ознакомиться съ этимъ замѣчательнымъ произведеніемъ.

Вотъ и все. Теперь этотъ договоръ *утвержденъ*, о чемъ въ той-же „Россіи“ напечатана новая специальная телеграмма.

Н.

* * *

Намъ пишутъ изъ **Перми**. Не стало Владиміра Евграфовича Илькова, скончавшагося на 45 году жизни. Еще наканунѣ своей смерти—9 го ноября В. Е. съ большимъ успѣхомъ сыгралъ Фамусова, а на другой день его не стало...

Покойный происходилъ изъ дворянъ Казанской губерніи и на сцену поступилъ въ 1870 году въ Перми-же, когда здѣсь подвизалась труппа П. М. Медвѣдева. Какое совпаденіе! гдѣ началъ, тамъ и кончилъ. Завремя своего двадцатилѣтняго служенія на сценѣ, В. Е. съ большимъ успѣхомъ игралъ, какъ въ столицахъ, такъ и въ разныхъ городахъ провинцій—Кіевѣ, Харьковѣ, Астрахани, Саратовѣ, Казани. Игралъ нынѣшній сезонъ въ Перми, въ труппѣ П. П. Струйского, В. Е. сразу сдѣлался любимцемъ публики. Когда педѣли за полторы до смерти у В. Е. появилась грудная жаба и онъ легъ въ больницу,--никому, однако, и въ голову не приходило, что дни симпатичнаго актера—сочтены.

Хоронили В. Е. въ воскресенье, 12-го ноября. За гробомъ вплоть до самой могилы шла густая толпа народу; преобладала, конечно, молодежь. Миръ праху его!

Е. В. Косинцевъ.

* * *

Во вторникъ, 21 ноября, въ Русскомъ Купеческомъ Обществѣ для взаимнаго вспомошествованія состоялся бенефисъ молодой премьерши труппы театра г-жи Огинской. Бенефицинтка выступила въ роли Лидіи Маревой въ комедіи „Блуждающіе огни“ и имѣла заслуженный успѣхъ. Вообще, г-жа Огинская даровитая и работающая артистка; въ бенефисный спектакль ей поднесли шесть корзинъ цвѣтовъ и отъ членовъ „Общества“ двѣ грандіозныя вазы съ цвѣтами. Спектакль, благодаря участію артистовъ, скрывшихъ свои имена подъ тремя звѣздочками, прошелъ съ прекраснымъ ансамблемъ, какъ и вообще спектакли, устраиваемые г-жею Никольскою.

* * *

По слухамъ, министерство финансовъ ассигновало на будущій годъ три милліона руб., которые поступятъ въ распоряженіе попечительства. Говорятъ также, что департаментъ неокладныхъ сборовъ въ настоящее время занятъ разработкой системы подробнаго контроля тѣхъ суммъ, которыя тратятся попечительствами.

* * *

Брошюра „Организація народнаго театра“, соч. Е. П. Карпова и Н. Н. Окулова, вышла 3-мъ изданіемъ. Ц. 25 к. Первыя два изданія распроданы. Складъ изданія въ канцеляріи Русскаго Театральнаго Общества (Караванная, д. 9, кв. 6).

* * *

Въ Петербургскомъ театрѣ г-жи Шабельской готовится къ постановкѣ историческая драма А. А. Навроцкаго (Н. А. Вроцкаго) „Крещеніе Литвы“. Драма эта, написанная авторомъ 25 лѣтъ назадъ, тогда-же была разрѣшена драматиче-

скою цензурою къ представленію и одобрена литературно-театральнымъ комитетомъ для постановки на сценѣ Императорскихъ театровъ. Къ драмѣ написана ея авторомъ г. Навроцкимъ и музыка, состоящая изъ интродукціи, четырехъ антрактовъ, мазурки, шествѣя жрецовъ и погребальнаго гимна.

* * *

22-го ноября, въ 1 часъ дня, въ аудиторіи педагогическаго музея (Соляной городокъ) г-жею Пропперъ, предсѣдательницей „Общества дѣтскихъ развлеченій“ было устроено дѣтское художественное литературно-музыкальное утро, на которомъ артистамъ императорскихъ театровъ В. И. Петровымъ была прочитана „Сказка о царѣ Салтанѣ“, А. С. Пушкина. Дѣтямъ были показаны туманныя картины, иллюстрирующія текстъ. Были исполнены отрывки изъ оперы „Царь Салтанъ“, Н. А. Римскаго-Корсакова. Большой успѣхъ выпалъ на долю г-жи Шаскольской, Венгеровой, гг. Климантовичъ и Букша.

Къ сезону въ провинціи.

* * *

Гельсингфорсъ. Въ русскомъ Александровскомъ театрѣ начались драматическіе спектакли подъ режиссерствомъ бывшей артистки Императорскихъ театровъ, Н. С. Васильевой. Въ составѣ сформированной труппы вошли: 1-жи Запольская, Лялина-Стефани, Ланина, Немецалова, Островская, Танѣевы 1-я и 2-я, Чаева, гг. Басмановъ, Гайдебуровъ, Катанскій, Константиновъ, Литвиновъ, Муравлевъ, Наровскій, Степановъ и Яковлевъ.

Томскъ. На одномъ изъ спектаклей въ бесплатной библиотекѣ помощникъ режиссера Волчекъ ударилъ по физиономіи рабочаго за то, что тотъ не дослышалъ его приказанія. Послѣдній подаетъ жалобу мировому судѣ, такъ какъ дѣло было при свидѣтеляхъ, которые готовы показать, что рабочий побить незаслуженно.

Правы, дѣйствительно, сибирскіе...

Кіевъ. 4 ноября въ камерѣ мирового судьи 8 уч. разбиралось дѣло о нарушеніи контракта между содержательницей театр-концерта „Олимпъ“ и пѣвицей Н. Садовской. Изъ разбора дѣла выяснилось, что Садовская была приглашена изъ Москвы пѣть въ театр-концертъ „Олимпъ“ съ начала открытія сезона, т. е. съ 15 сентября сего гола, и въ договоръ было обусловлено, чтобы, въ случаѣ отказа пѣвицы по какимъ-либо причинамъ, ей было заявлено объ этомъ не позже трехъ дней со вступленія ея на сцену; въ противномъ случаѣ содержательница „Олимпа“ обязана уплатить неустойку и, прогнаны на обратный проѣздъ Садовской въ Москву. Садовская пропѣла до 1 октября и затѣмъ, получивъ отказъ, уѣхала, однако, предъявила искъ о неустойкѣ. Свидѣтель, управляющій театромъ, подтвердилъ, что Садовской было отказано 17 сентября, т. е. на третій день по вступленія ея на сцену. Мотивомъ отказа послужило то, что она пѣла не дозволенные цензурой куплеты. Если-же г-жа Садовская пѣла до 1 октября, то это была ея „добрая воля“. Хотя по книгамъ и значится, что Садовская расписалась въ полученіи жалованья и прогоновъ 1 октября. Мировой судья, находя требованіе Садовской неосновательнымъ, постановилъ въ искѣ отказать. Повѣренный г-жи Садовской переносить дѣло въ сѣздъ мировыхъ судей и желаетъ устранить свидѣтеля г. управляющаго, какъ лицо, подписавшееся на томъ-же контрактѣ.

Казань. Г. Соболищиковъ-Самаринъ прислалъ въ городскую управу новое заявленіе, въ которомъ изъясняетъ желаніе, на существующихъ арендныхъ условіяхъ, снятъ городской театръ на трехлѣтіе, начинающееся 1901 г., причѣмъ обѣщается въ теченіе зимняго сезона ставить драму, а въ Великомъ посту и весною—оперу съ лучшими оперными гастролерами. Управу вноситъ это заявленіе въ городскую управу.

Затѣмъ въ управу поступило заявленіе оптика Гербера, который предлагаетъ городу проектъ снабженія зрителей биноклями, по примѣру харьковскаго театра. Доставку биноклей, надзоръ за исправнымъ состояніемъ ихъ, замѣну въ случаѣ порчи г. Герберъ желаетъ взять на себя за плату изъ дохода, получаемого путемъ надбавки къ цѣнамъ на мѣста, въ размѣрѣ 15 коп. съ ложи, 10 коп. съ кресла и 5 коп. со стула.

Одесса. Н. Н. Соловцовъ понесъ за этотъ сезонъ драмы крупныя потери. Драматическій сезонъ въ матеріальномъ отношеніи былъ очень неудачный. Среди ряда плохихъ сборовъ было очень немного среднихъ и того меньше хорошихъ. Дефицитъ, который понесетъ новый одесскій антрепренеръ за сезонъ драмы, какъ говорятъ, достигаетъ суммы свыше 10.000 руб. Крупную потерю, понесла также итальянская оперетка, не блестяща дѣла у малороссовъ, а спектакли фарса въ Новомъ театрѣ очень часто проходятъ при сборахъ отъ 26 до 100 р.

Сезонъ итальянской оперы начинается 1-го декабря. Первымъ спектаклемъ пойдетъ „Гугеноты“ для дебюта г. Дюка.

ПРОВИНЦІАЛЬНЫЯ АРТИСТКИ.

М. А. Саблина-Дольская.
(Воронежъ).

Т. Ф. Синельникова.
(Рига).

Гастроли А. Зонненталя дали около 10.000 р. Наибольший сбор далъ послѣдній спектакль (2750 р.). Наибольшій «Горнозаводчикъ» (1400 р.). Первый спектакль («Наганъ Мудрый») далъ 2400 р. сбора.

Иркутскъ. Театрально-сибирскіе нравы. По словамъ «В. Об.», 25 октября г-жа г. П. по окончаніи спектакля, вызывая г-жу Веселовскую, былъ пораженъ страшнымъ трескомъ, раздавшимся около него. Окавывается, что въ поклонника таланта г-жи Веселовской почитателями таланта г. Амирджана изъ третьяго яруса былъ брошенъ тяжелый стулъ, который, къ счастью, миновавъ предназначенную цѣль, упалъ отъ г. П. на разстояніи 2—3 вершковъ и разбился въ щепки въ проходѣ между 5 и 4-мъ рядами.

Черниговъ. На-дняхъ состоялось освященіе новаго народнаго дома, въ которомъ устроена сцена для спектаклей.

Нишинецъ. Пушкинскую аудиторію, отъ которой отказался г. Труффи, снялъ В. Л. Форкатти, который сезонъ откроетъ 1 декабря. Труппа (изъ 36 человекъ) та-же, которая играетъ теперь въ Таганрогѣ.

Пѣвецъ г. Орловъ вышелъ изъ состава мѣстной оперы, благодаря какому-то недоразумѣнію съ товариществомъ. Кстати, опера заканчиваетъ спектакли въ первыхъ числахъ декабря.

Сюда, по слухамъ, переключиваетъ труппа одесскаго театра «Фарсъ».

Тифлисъ. Въ «Н. Вр.» находимъ интересную корреспонденцію о злоключеніяхъ драматической труппы М. В. Дальскаго въ Тифлисъ.

Г. Дальскій, гастролируя въ Варшавскомъ казенномъ театрѣ, получилъ предложеніе снять театръ въ Тифлисъ. Банковскій театръ—собственность дворянства Тифлисскаго губерніи и лишь сдается въ аренду туземному драматическому кружку. Шестинедѣльный срокъ аренды Банковскаго театра въ текущемъ году былъ опредѣленъ (въ концѣ августа)—съ 1-го октября по 16-е ноября. На запросъ г. Дальскаго, заарендовавшаго этотъ театръ, сдѣланный имъ по телеграфу, все ли готово для открытія спектаклей 1-го октября, г. Сулхановъ (предсѣдатель правленія кружка) отвѣтилъ телеграммою-же: «Въ виду недостаточности времени для хорошей рекламы совѣтуемъ начать 5-го октября». 29-го сентября въ Тифлисъ прибыла русская драматическая труппа съ М. В. Дальскимъ во главѣ и пришла въ ужасъ, узрѣвъ воочию этотъ «заново отдѣланный театръ»: театръ, дѣйствительно, былъ готовъ, но лишь вчера; обѣ очисткѣ, окраскѣ, освѣщенію, водопроводныхъ трубъ и т. п. шла еще только рѣчь. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ коммисія подъ предсѣдательствомъ тифлисскаго полиціе-мейстера признала театръ небезопаснымъ и въ пожарномъ отношеніи. Были выпущены афиши на 5, 6 и 7-е октября. Но, увы, спектакли пришлось отменить, такъ какъ въ театрѣ царилъ тьма кромѣшная. Наконецъ, 8-го октября, съ грѣхомъ пополамъ, при «мигающемъ» электричествѣ (старая машина) послѣдовало открытіе спектаклей русской драматической труппы М. В. Дальскаго. Вслѣдъ за открытіемъ спектаклей при-

шло сдѣлать... опять недѣльный антрактъ. Г. Дальскій, получая ежедневно увѣренія, что «будете спокойны—завтра все будетъ въ порядкѣ», выпускалъ по утрамъ афиши, а вечеромъ, предъ началомъ спектакля, приходилось спектакль отменить въ виду отсутствія электричества. Такой безпорядокъ царилъ до 20-го октября. Въ этотъ день, наконецъ, удалось не только поставить «Женитьбу Бѣлугина», но и вывѣсить афишу: всѣ билеты проданы. Но... увы, въ нѣтъ минутъ девятаго послѣдовало объявленіе: въ паровикѣ лопнула труба и залила топку. Театръ опять погрузился въ тьму кромѣшную, а гг. заправила театра точно канули въ Лету. Въ концѣ-концовъ, пришлось обсудить всѣ эти злоключенія въ засѣданіи правленія кружка. Правленіе рѣшило возмѣстить «посильно» (!?) убытки, понесенные г. Дальскимъ, и ему была выдана записка, въ которой сказано, что за 13 отмененныхъ по его, кружка, винѣ спектаклей г. Дальскому будетъ выдано 2,125 рублей, т. е. по 164 рубля (вмѣсто 600 рублей) за спектакль. Г. Дальскій согласился не только получить это возмѣщеніе убытковъ, но и на разсрочку.

Къ 4-му ноября труппою Дальскаго было сыграно обусловленное по договору (нарушенному правленіемъ кружка) число спектаклей (30), изъ которыхъ 15 было, дѣйствительно сыграно, а 15 отменено по винѣ правленія кружка. Наступило 4-е ноября—день послѣдняго спектакля. Оказалось, что по распоряженію г. Сулханова, кассиру не даютъ кассу галереи. Пришлось опять обратиться къ содѣйствію полиціи. Пытались даже и залогъ ему не возвращать.

Маленькая хроника.

Изъ жизни П. С. Мочалова.

*** На Покровкѣ въ богоспасаемой Москвѣ былъ погребокъ, принадлежавшій купцу Соболеву, весьма почтенному старику. Прежніе погребки были иного устройства, чѣмъ нынѣшніе, при нихъ непременно была комната, въ которой ютились за всегдѣтѣи и почетные посѣтители. Въ этой комнатѣ гости сидѣли и выпивали. Почему погребокъ Соболева былъ излюбленъ Павломъ Степановичемъ Мочаловымъ узнать не удалось, но что онъ былъ излюбленнымъ мѣстопробываніемъ трагика, объ этомъ говорятъ многіе устные рассказы. П. С. Мочаловъ засѣдалъ тутъ почти постоянно. Въ этомъ именно погребкѣ разыгралась непріятно возмутительная сцена.

Обыкновенно, когда къ спектаклю запаздывалъ Мочаловъ, то сюда посылали за нимъ гонцевъ. Однажды сюда откомандированъ былъ Сергій Васильевичъ Шумскій, еще начинающій актеръ.

Онъ сталъ уговаривать Павла Степановича ѣхать въ театръ, Мочаловъ вспылилъ и ударилъ Шумскаго. Тотъ ухалъ изъ погребка оскорбленный и сконфуженный, но

Мочаловъ тотчасъ-же бросился въ театръ, отыскалъ Шумскаго и со слезами просилъ у него публично прощенія.

Въ этомъ погребкѣ вмѣстѣ съ Мочаловымъ всегда за-сѣдали два его друга, пѣвцы: Лавровъ и Вантышевъ, славные дѣятели русской оперы.

Здѣсь посѣтителѣ слышали пѣсни Торопки и аріи Неизвѣстнаго изъ „Аскольдовой могилы“, здѣсь слышали чтеніе Мочаловымъ различныхъ монологовъ, здѣсь-же опъ, въ минуты художественнаго подъема, читалъ стихотвореніе Пушкина: „Черная шаль“.

У Соболева хранилась и черная шелковая шаль. Когда, бывало, Мочаловъ вдругъ скажетъ: „диванъ!“ тотчасъ же бѣжали къ Соболеву и говорили: „давайте шаль, Павелъ Степановичъ читать про шаль будетъ“.

Что-же собственно означало восклицаніе—„диванъ?“

А это значило, что во-первыхъ Мочаловъ желалъ читать „Черную шаль“, а во-вторыхъ, что диванъ, долженъ былъ быть отодвинутъ отъ стѣны къ срединѣ комнаты.

Приносилась черная шаль, подушка и Мочаловъ полу-ложился на диванъ и бралъ шаль въ руки. Едва онъ устремлялъ глаза на шаль, какъ все затихало. Онъ начиналъ чтеніе. Когда онъ доходилъ до стиховъ:

Тебѣ измѣнила гречанка твою, онъ вставлялъ вопросъ: „съ кѣмъ?“ и вскакивалъ съ дивана.

Тутъ, рассказывалъ старикъ очевидецъ, совершалось нѣчто ужасное. Лицо его дергалъ конвульси, въ глазахъ стоялъ ужасъ оскорбленія и рѣшимости мести, онъ дѣлался страшнѣе. Могу увѣрить, что все кругомъ трепетало. Когда-же онъ говорилъ, какъ опъ „топталъ бездушное тѣло“, всѣ видѣли, что онъ обезумѣлъ. Кончалъ онъ чтеніе какими-то истерическими всхлипываніями и затихалъ, бросившись лицомъ на подушку, и покрывая „черною палью“. Впоследствии Мочаловъ читалъ „Черную шаль“ въ дивертиссментѣхъ, но какой былъ успѣхъ, не знаю.

Такъ закончилъ рассказчикъ свои воспоминанія о чтеніи „Черной шали“ П. С. Мочаловымъ. Александръ С.

*** У г. Петрова-Краевскаго въ „Русскомъ театрѣ“ въ Ригѣ вышелъ рядъ недоразумѣній—чтобы не сказать большаго—артиста съ критикой „Рижскаго Вѣстника“. Какъ и всегда въ подобныхъ случаяхъ, когда приходится считаться съ личнымъ мнѣніемъ человѣка—разобраться въ томъ „кто правъ, кто виноватъ“ очень трудно. „Рижскій Вѣстникъ“ по мнѣнію нѣкоторыхъ лицъ „незаслуженно нападаетъ на артиста, умаляетъ его достоинства, старается его уколоть, какъ человѣка, а въ послѣднее время, хваля всѣхъ артистовъ за всякое исполненіе, г. Краевскаго совершенно замалчиваетъ“. На бенефисѣ, какъ это уже извѣстно нашимъ читателямъ, г. Петрову-Краевскому былъ поднесенъ адресъ за подписи 64 лицъ. Это явилось слѣдствіемъ протеста противъ „несправедливости“ критики. 64 лица, подписавшіяся подъ адресомъ и, между прочимъ, замѣчающія, что „прекрасная фигура и красивый голосъ—заставляютъ видѣть въ васъ (артиста) интеллигентнаго, богато одареннаго, талантливаго артиста“, говорятъ о томъ, что „Рижск. Вѣстн.“ вообще почему-то недружелюбно относится къ Русскому театру въ Ригѣ, что будто бы, уже было замѣтно и въ предыдущіе годы. Друзья артиста, приславшіе намъ нѣсколько интересныхъ горячихъ писемъ, объясняютъ критику газеты, какъ причину ссоры происшедшей между редакціей и артистомъ. Въ такомъ-же духѣ пишутъ и самъ г. Краевскій, приславшій въ редакцію нашего журнала письмо. Въ адресѣ, утѣшающемъ г. Петрова-Краевскаго, значатся, между прочимъ, слѣдующія справедливыя слова: „они (критическіе отзывы) пишутся лицомъ, которое высказываетъ въ нихъ исключительно личное свое мнѣніе“. Прибавимъ, что иными, какъ личными, критическіе отзывы и не могутъ быть. Никакихъ официальныхъ и утвержденныхъ образцовъ мнѣній нѣтъ и по скольку высказывающій свое мнѣніе обосновываетъ его и обнаруживаетъ тонкость сужденія, на столько онъ убѣдителенъ.

Остается, стало быть, вопросъ о добросовѣстности и чистотѣ внутреннихъ убѣжденій пишущаго. Но гг. корреспонденты сообщаютъ слишкомъ мало данныхъ, чтобы мы могли судить объ этой сторонѣ дѣла.

Однако, поутру, да позволено намъ будетъ затронуть еще одинъ деликатный пунктъ.

Для того, чтобы окончательно побѣдить насъ, намъ присланъ сборникъ отзывовъ прессы о спектакляхъ съ участіемъ артиста Е. А. Петрова-Краевскаго. Брошюра издана въ Нижнемъ-Новгородѣ и надо думать, не насчетъ нижегородскаго земства, а вѣроятно, заинтересованнаго артиста. Здѣсь собраны выдержки изъ „Каменецъ-Подольскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“, „Волгари“, „Закаспійскаго Обзорѣнія“ и „Туркестанскихъ Вѣдомостей“. Вездѣ сказано „хорошо“, „отлично“, „превосходно“, „рѣдкое эстетическое удовольствіе“ и т. п. На насъ сборникъ этихъ рецензій собранныхъ, конечно, къ тому-же далеко не полно, произвелъ непріятное впечатлѣніе. Скорѣе въ этомъ мы склонны видѣть нѣкоторую причину, разыгравшагося въ Ригѣ ин-

цидента. Г. Краевскій, дѣлая свою артистическую карьеру, пошелъ по опасному и рискованному пути; онъ слишкомъ усиленно приглашаетъ печатъ въ помощь своему будущему, слишкомъ много вѣры (выражался мягко) кладетъ въ ея вліяніе, слишкомъ усердно приглашаетъ ее не въ судьи, а въ помощники. Мы не знаемъ, чѣмъ объясняются отзывы „Рижск. Вѣстн.“, и согласились ли бы мы съ ними или нѣтъ, если-бы имѣли удовольствіе видѣть г. Краевскаго, но думаемъ, во всякомъ случаѣ, что если ему утѣшительно было не только выслушивать, но и издавать похвальные отзывы „Плодкихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ и „Паревко-кокшайскаго Вѣстника“, то для торжества „высшаго равновѣсія“ необходимо прочесть иной разъ и не совсѣмъ пріятныя строки. Всяко бываетъ, какъ говоритъ Бен-Акиба. А затѣмъ, если г. Краевскому, угодно, то вѣдь можно не включать эти строки въ будущее изданіе новаго сборника новыхъ отзывовъ.

Съ общей точки зрѣнія, скажемъ одно: мы считаемъ неприличнымъ и несоотвѣтствующимъ этикѣ артиста издавать и разсылать сборники рецензій. Это напоминаетъ литературные приемы и заванія гг. Манухиныхъ и Леухиныхъ.

Письмо въ редакцію.

М. Г. г. Редакторъ! Въ № 46 вашего уважаемаго журнала помѣщено письмо г. Ст—ина, какъ видно, совсѣмъ незнакомаго ни съ уставомъ и дѣлами Общества русскихъ драматическихъ писателей, ни съ правами и обязанностями его агентовъ. Г. Ст—инъ, очевидно, не знаетъ, что агенты даютъ не только нравственное обязательство, но и форменную подписку охранять интересы почтившаго ихъ своимъ довѣріемъ Общества и исполнять всѣ требованія выработанной и утвержденной Комитетомъ «Инструкціи» агентамъ.

По смыслу этой «Инструкціи» агентъ долженъ посѣщать каждый спектакль, а такъ какъ это для одного человѣка даже физически невозможно, то «Инструкція» предписываетъ ему обязательно включать въ выдаваемое имъ разрѣшеніе на постановку пьесъ Общества слѣдующій пунктъ 8-й: (содержатель театра обязуется)... «предоставить безвозмездно ему, агенту, или тому лицу, которое онъ иришлетъ за себя, постоянное мѣсто въ зрительномъ залѣ театра, не далѣе 2-го ряда отъ сцены, въ партерѣ».

Что-же удивительнаго, если агенты, по выраженію г. Ст—ина, «позволяютъ себѣ посылать на это мѣсто своихъ супруговъ, племянницъ и вообще присныхъ»?!. Присные всегда присные, и имъ агентъ естественно скорѣе всего можетъ довѣрить исполненіе своей обязанности, въ данномъ случаѣ соединенной еще и съ удовольствіемъ.

Намъ могутъ возразить, что присутствіе агента или его довѣреннаго совсѣмъ не необходимо на каждомъ спектаклѣ,—но это ужъ другой вопросъ и, къ несчастью, вопросъ спорный, правильно рѣшить который можетъ только самъ агентъ и притомъ лишь въ каждомъ данномъ случаѣ. Не даромъ-же Обществу приходится постоянно вести судебныя процессы противъ разныхъ лицъ не только за самовольную постановку пьесъ, но и просто за... мошенничество (исполненіе одной пьесы, вмѣсто объявленной другой,—искаженіе названія пьесы,—подлогъ въ фамилии автора и проч.),—да и самимъ агентамъ случается подчасъ платиться и изъ своего кармана за излишнюю довѣрчивость и оплошность...

Что-же касается до посѣщенія театра гг. агентами цѣлою семьею, то—если только г. Ст—ину приходилось наблюдать подобное—это ужъ добрая воля гг. содержателей театра, допускающихъ на свободныя мѣста семьи рецензентовъ, полицейскихъ приставовъ, разныхъ подрядчиковъ и т. п., пользующихся ихъ добротой или просто неумѣньемъ отказать, или-же условленнымъ вознагражденіемъ за какія-либо намъ невѣдомыя услуги. «Выкинуть какую-либо штуку», изболѣтъ г. антрепренера—агентъ можетъ... ну, положимъ, такъ-же, какъ можетъ любой полицейскій чинъ потащить простого обывателя въ кутузку... Но значить-ли это, что мы всѣ должны всячески угождать этимъ послѣднимъ?!. У кого совѣсть чиста, тотъ полицейскаго не боится, и антрепренеру, честно исполняющему законныя требованія агента, нечего опасаться какихъ-то «штукъ», ибо за нихъ пришлось-бы расплатиться самому-же агенту.

Старый агентъ Общества.

Изъ Москвы.

Послѣ двухлѣтнихъ разговоровъ въ Большомъ театрѣ дали «Ледяной домъ», оперу г. А. Корещенки. Столько на нее почему-то начальство возложило надеждъ, столько заранее прославляли ее дружественныя автору московскія газеты, столько денегъ и времени потрачено на ее постановку и разучиваніе—и все пошло прахомъ! Опера г. Корещенки вызвала такое уныніе въ публикѣ, что послѣднія начала расходиться уже съ половины спектакля, который и кончился при полупустой залѣ. Болѣе добросовѣстная часть московской музыкальной печати, забывши о своей предупредительности къ автору, принуждена была признать полный провалъ его оперы. И только одні «Моск. Вѣд.» храбро продолжали писать о «вкладѣ», который якобы сдѣланъ «Ледянымъ домомъ» въ русскую оперную литературу. «Будетъ бѣлокуръ» полагаетъ въ извѣстномъ стихотвореніи глухой аптекарь, у котораго родился негритенокъ.

Когда разсудочность царитъ надъ живымъ чувствомъ, то въ жизни это, можетъ быть, очень хорошо; для искусства же это смерть. Оставь изучать людей и займись математикой, говоритъ поэтъ неудачному кандидату на парнасское мѣсто. Это можно повторить многимъ претендентамъ, въ томъ числѣ, кажется, и г. Корещенкѣ. Онъ уже не совсѣмъ новичекъ въ оперномъ дѣлѣ. Имъ написана и была поставлена, тоже на сценѣ Большого театра, опера «Послѣдній день Бельсарасса», которая, не смотря на расхваливанія дружественныхъ журналовъ, выдержала всего два представленія. Не знаю, какая судьба суждена его новой оперѣ, но въ ея музыкѣ, въ ея стилѣ не видно разницы съ тою безотрадною сущью, которую представляла музыка его первой оперы, вообще вся музыка, инструментальная и иная, написанная г. Корещенко. Есть-ли что безотраднѣе пеланства въ молодости, что-нибудь печальнѣе разсудочныхъ рѣчей тамъ, гдѣ мы ожидаемъ слышать голосъ страсти, живого чувства? Мы готовы простить молодости всякія ошибки, всякое увлеченіе, подлѣ условіемъ искренняго чувства, искренности этого увлеченія. Оговариваюсь, что совершенно не имѣю удовольствія знать лично г. Корещенку, который лично можетъ быть симпатичнѣйшимъ человѣкомъ. Но его музыка, Боже мой! она именно вызываетъ представленіе о пеланствѣ, лишенномъ воображенія и порывовъ, о которомъ я говорилъ сейчасъ.

Въ самыхъ плохихъ итальянскихъ операхъ вы всегда можете встрѣтить минуту увлеченія, когда авторъ заставляетъ васъ забыть всю банальность его музыки. Ничего подобнаго на протяжении пяти часовъ, въ которые льется музыка г. Корещенки. Ровная, пустынная гладь, точно торфяное болото ночью, на которомъ не мелькаетъ и блуждающихъ огоньковъ.

Если-бы я и хотѣлъ сказать что либо о музыкѣ «Ледяного дома», то не сумѣлъ бы и не смогъ найти въ ней ничего. Что можно сказать о мертворожденномъ произведеніи? Развѣ только подивиться чутью московскихъ театраловъ и критическихъ заправилъ, которые, принявши и поддерживая заранее эту оперу, воображали въ ней особая достоинства, ожидали, что она составитъ чуть ли не эру въ московскомъ оперномъ театрѣ! Если-бы перевести музыку этой оперы на соответствующую разговорную, живую рѣчь, то не нашлось бы такого торговца изъ Ножевой Линіи или купца изъ Замошворѣчья, который не сказалъ бы профессорамъ и критикамъ, рекомендующимъ подобную музыку: «да что же, батюшка, вы насъ считаете совсѣмъ за олуховъ царя небеснаго? думаете, что мы можемъ все взять, что вы намъ подсказываете? Не обманешь—не продашь, мы это сами знаемъ, но всему есть мѣра. Огваливайте-ка отъ насъ подальше». Примѣръ, можетъ быть, рѣзокъ, потому что о сознательномъ обманѣ въ данномъ случаѣ врядъ ли можетъ быть рѣчь съ чьей либо стороны, но онъ все-таки точно рисуетъ положеніе. Извращеніе музыкальных чувствъ и понятій въ обществѣ становится въ самомъ дѣлѣ велико, благодаря разнымъ самованнымъ критикамъ. Въ самомъ дѣлѣ, кто только нынче не пишетъ объ искусствѣ, начиная съ неудавшагося артиста или «профессора элементарной теории» (въ переводѣ на обыкновенный языкъ это будетъ «профессоръ азбуки») и кончая любымъ гимназистомъ! Какую путаницу понятій долженъ вносить подобный сборъ псевдокритиковъ въ неустановившееся художественное сознание массы публики! По счастью, масса, не умѣя отдавать себѣ яснаго отчета въ испытываемыхъ ею впечатлѣніяхъ, вообще въ цѣломъ судить все-таки довольно правильно, если только захочешь слушать; ея сужденіе является противовѣсомъ сужденіямъ изогнавшегося или извращеннаго чувства псевдоспециалистовъ.

Возможно, что г. Корещенко напишетъ слѣдующую оперу такъ, что въ ней скажется музыкальное дарованіе, что опера эта поправится. Прежде всего для этого ему нужно болѣе непосредственности, болѣе живого и свободнаго чувства, поменьше математики и разсудочности. Тогда можно ожидать, что цвѣтокъ, охваченный морозомъ, еще поправится подъ лучами живительнаго солнца. Въ «Ледяномъ домѣ», хотя въ манерѣ авторъ подражаетъ Чайковскому—онъ нигдѣ не говоритъ «словечка съ простотою: все съ ужимкою». Ему кажется, что нотныя линейки сдѣланы для того, чтобы ихъ наполнить во что бы то ни стало и какими бы то ни было нотами. Чувство и опытность не пересиливаютъ этого ложнаго довода, а фантазія г. Корещенки вовсе не такъ жива или остроумна, чтобы его техническая работа могла доставить слушателямъ удовольствіе. Все въ ней сѣро, точно упражненія ученика, который не смѣетъ отойти отъ данной ему пиаргалки, отъ указанныхъ образцовъ. Блѣдна и инструментовка г. Корещенки, блѣдна до того, что ни разу не услышишь въ ней взрыва, подъема страсти, даже тамъ, гдѣ эта страсть сама просится наружу. Мелодіи блѣдны и невыразительны, и только

Р. Б. Аполлонскій.

(Къ бенефису 30 ноября).

кое-какъ и кое-гдѣ оперу еще поддерживаютъ мелодіи русскихъ пѣсень, которыми пользуется авторъ. Для голосовъ опера написана крайне неудобно, въ особенности плохо сдѣлана въ этомъ смыслѣ партія цыганки Маріулы, для которой нуженъ совсѣмъ исключительный голосъ. Въ результатѣ, не смотря на то, что оркестровка г. Корещенки вовсе не громка и не громоздкая, пѣвцовъ совсѣмъ почти не слышно, у большинства же у нихъ къ тому-же точно каша во рту. Только г. Донской, да г. Шаляпинъ, отличающіеся превосходною, ясною дикціею, могли выдвинуть свои неблагодарныя роли,—Волынскаго и Вирона,—изъ которыхъ вторая имѣетъ то преимущество надъ первою, что коротка и, по крайней мѣрѣ, не утомляетъ публику. Остальные артисты не сдѣлали или и не могли ничего сдѣлать изъ своихъ ролей. Да и какихъ не-симпатичныхъ лицъ имъ приходится изображать—манекеновъ, а не живыхъ людей.

Нужно признать, что сюжетъ романа Лажечникова вообще, а въ особенности въ передѣлкѣ Модеста Чайковскаго совсѣмъ мало можетъ заинтересовать кого бы то ни было. Романъ Лажечникова слишкомъ слабъ; изрѣзывать же его на нѣсколько кусковъ—въ данномъ случаѣ на семь—какъ сдѣлалъ г. Чай-

ковскій, не значить дать либретто. Въ этихъ кускахъ нѣтъ логической связи, ни необходимости; сверхъ того, масса шаблонныхъ повтореній, которую этотъ плохой драматургъ безцеремонно беретъ изъ своихъ прежнихъ либретто. Что удивительнаго, что опера г. Корешенки окончательно утрачиваетъ какой бы то ни было интересъ?

Музыкальныя замѣтки.

Второе симфоническое собраніе дало возможность прослѣпить очень интересную программу. Русской музыкѣ было отведено въ ней подобающее мѣсто, что, къ сожалѣнію, бываетъ рѣдко. Исполнить одну симфонию русскаго композитора или поставить на программу одинъ оркестровый нумеръ можно было, пожалуй, четверть вѣка назадъ. Въ то время для большинства любителей музыкальнаго искусства въ Россіи, вскормленныхъ и вспоенныхъ на западно европейской музыкѣ—свои композиторы могли казаться дуростными разрушителями ихъ узко-эстетическаго пониманія. О бывшихъ любителяхъ «симфоническихъ» увертюръ къ Вильгельму-Телю, въ финалѣ которой у нихъ дергало ноги, готовые, того гляди, пуститься въ плясъ, можно, конечно, лишь пожалѣть. Виноваты ли они, что предки ихъ воспитались, благодаря русскому историческому запозданію, на пустячкахъ, которые еле-еле давали потомкамъ возможность уразумѣть прозрачную симфонию Моцарта, да жизнерадостнаго Гайдна. Величавый Бетховенъ своими мощными симфоніями заставлялъ уже ихъ сосредоточенно насупливать брови и заводить рѣчь о трудности пониманія «новой» симфонической музыки. Въ этой «новой» музыкѣ слушатели уловили не только красивые звуки, но присутствіе широкой и серьезной идеи. Музыкантъ всегда былъ философомъ по инстинкту, но никогда еще отвлеченное начало не сквозило такъ сильно чрезъ гирлянды звуковъ, какъ въ тотъ день, когда раздалися звуки героической симфоніи! Она открыла новую эру, указала на новыя краски и несла въ своихъ звукахъ новыя сокровища.

Звуки Бетховенскихъ симфоній облетѣли весь міръ. Всюду музыканты пытались ихъ воспринять и создать новыя симфоніи. Но въ результатѣ, въ которомъ очень легко убѣдиться, нѣтъ ни одной страны, гдѣ бы симфоническая форма, завѣщанная генисмъ Бетховена, была такъ великолѣпно разрабатываема, какъ въ Россіи. Уже въ этомъ обстоятельстве кроется достаточное основаніе для того, чтобы симфоническіе вечера въ Россіи посвящались по преимуществу русской музыкѣ, и поменьше пропагандировали часто не интересную симфоническую музыку современныхъ намъ западныхъ композиторовъ.

Прекраснымъ примѣромъ блестящаго положенія русской симфонической музыки можетъ служить симфонія М. К. Балакирева, исполненная въ послѣднемъ симфоническомъ концертѣ. Эта с-дигъная симфонія написана всего лишь два года назадъ, но популярности ея уже весьма почтенная. Съ перваго же раза произведеніе это, надъ которымъ авторъ работалъ, какъ сказываютъ, много лѣтъ, произвело большое впечатлѣніе. Это, въ сущности говоря, рѣдкій случай, чтобы симфонія не вызвала разнорѣчивыхъ толковъ. Правда, ея достоинства оспаривались въ частностяхъ, но въ общемъ она имѣла большой успѣхъ. Причина этого въ томъ, что симфонія эта, по своей концепціи, проще и яснѣе многихъ другихъ симфоній русскихъ авторовъ. Простота чувствуется уже въ томъ, что у нея нѣтъ основной мысли, которая обволакивала бы или, лучше сказать, проходила черезъ всю симфонию. Это четыре самостоятельныя части, которыя по временамъ очаровываютъ слушателя своими красотою и мастерской обработкой. Наибольше удачны изъ этихъ удачныхъ симфоническихъ страницъ принадлежатъ первой и третьей части. Во второй части вредитъ впечатлѣнію нѣкоторое однообразіе гармоническаго узора. Финальное allegro moderato имѣетъ въ основѣ мало характерную русскую тему и, пожалуй, страдает длиннотами.

Симфонія имѣла большой успѣхъ. Аплодировали послѣ каждой части. Въ залѣ, впрочемъ, оказались, по недоразумѣнію вѣроятно, «странныя уши», которымъ хорошая симфоническая музыка, очевидно, совершенно чужда.

Послѣ симфоніи была исполнена музыка М. И. Глинки къ несурзной драмѣ Кукольника «Князь Холмскій». Сюжетъ драмы таковъ. Князь Холмскій повѣрилъ какимъ-то астрологическимъ бреднямъ и рѣшается продать свое отечество, а вдобавокъ къ этому, онъ влюбился въ нѣмецкую баронессу. Глинка по непонятнымъ причинамъ согласился написать музыку къ этой чепухѣ. Часто, говоря о музыкѣ къ «Князю Холмскому», упоминаютъ про музыку Бетховена къ Гетевскому «Эгмонтъ». Но сходство ограничивается только тѣмъ, что и Бетховенъ, и Глинка написали музыку къ драмѣ.

Музыку Глинки къ этой пресловутой драмѣ нельзя считать удачною. Да и трудно было ожидать, чтобы Глинка могъ написать что либо сильное, имѣя передъ собой безцвѣтное произведеніе, ничего не говорящее фантазіи композитора.

Изъ оркестровыхъ нумеровъ самый удачный—это антрактъ

къ третьему дѣйствію, рисующій пылкую страсть Холмскаго къ его баронессѣ. Тема виолончели въ этомъ антрактѣ чудесная.

Рахиль поетъ свою пѣсенку какъ-то скоропалательно и въ неудачномъ маршеобразномъ ритмѣ. Пѣсня эта лишена восточнаго колорита, который такъ великолѣпно удался Глинкѣ въ «Русланѣ».

Пѣснь Ильинишны удачнѣе. Но что за слова въ этой пѣснѣ! Какаго-то дичь.

Вокальные нумера исполняла г-жа Бакмансонъ, при чемъ въ пѣснѣ Ильинишны ей подпѣвалъ хоръ, въ которомъ преобладаетъ петербургское студенчество. Вотъ это пріятно видѣть! И какіе хорошіе голоса въ этомъ молодомъ хорѣ,—просто прелести! Г-жа Бакмансонъ пѣла очень мило. Отлично фразировала и находила соответствующее настроеніе. Голосъ пѣвицы, къ сожалѣнію, нѣсколько слабъ, что ощущалось въ особенности въ «Лѣсномъ Царѣ»—Шуберта-Листа. Вторымъ солистомъ выступилъ г. Вержбиловичъ, который, хотѣлъ было, познакомить публику съ двумя новыми произведеніями г. Направника. Говорю—хотѣлъ было, потому что г. Вержбиловичъ не потрудился предварительно ихъ основательно выучить. Въ результатѣ, г. Вержбиловичъ сплошь продегонируетъ элегію и изобразилъ что-то «очень странное» вмѣсто Allegro giocoso. Очень жалко. Г. Вержбиловичъ, вообще, предпочитаетъ играть все то-же самое.

Въ заключеніе была исполнена «Пляска смерти»—Сенъ-Санса. Который разъ это смерть отплевываетъ на симфоническихъ вечерахъ Петербурга! Впрочемъ, это очень красивая вещь. Право. Только не надо бисировать.

Оркестръ подъ управленіемъ г. Направника былъ удивительно хорошъ.

Б. М. Соловьевъ.

Каторжный театръ.

(Окончаніе *).

Огарокъ, прилѣпленный къ скамьѣ, освѣщаетъ самую оригинальную „уборную“ въ мірѣ.

Торопясь къ переключкѣ, артисты переодѣваются въ арестантскіе халаты.

Тѣ, которые играли кандалниковъ въ „Бѣгломъ каторжникѣ“, покуриваютъ цыгарку, переходящую изъ рукъ въ руки, и ожидаютъ платы отъ антрепренера.

Имъ переодѣваться нечего; ихъ „костюмы“, ихъ кандалы—не снимаются.

Кулисы всюду и вездѣ тѣ же кулисы. То же артистическое самолюбіе.

— Благодарю васъ!—крѣпко жметъ мою руку Сокольскій, когда я расхваливаю его чтеніе „Записокъ сумасшедшаго“,—вы меня обрадовали. Все-таки, хоть и такой театръ,—но все же это что-то человѣческое... А я, признаться, сильно трусилъ: играть передъ лигаторомъ, передъ понимающимъ человѣкомъ... Такъ, ничего себѣ?

— Да увѣряю васъ, что очень хорошо! Вы никогда не были актеромъ, Сокольскій?

— Актеромъ—нѣтъ. Но любительствовалъ много. Въ Секретаревкѣ, въ Нѣмчиновкѣ (любительскіе театры въ Москвѣ). Вѣдь я изъ Москвы. Вы тоже москвичъ? Ахъ, Москва! Малый театръ! Ермолова, Марья Николаевна! Бывало, лупишь изъ „Скворцовъ“ (студенческіе номера) въ Малый театръ на верхотурье. А помните, Парадизъ привозилъ Барная, Поссарта. Я и теперь его въ Ричардѣ, словно, передъ глазами вижу. Монологъ этотъ послѣ встрѣчи съ Елизаветой... „На тѣнь свою мнѣ надо наглядѣться!“

— Сокольскій, чортъ! На переключку иди! Опять завтра въ кандалную посадку!—высунулась изъ-за занавѣски физиономія антрепренера.

— Сейчасъ... сейчасъ... Вы меня извините. Къ переключкѣ надо. Вотъ если бы вы позволили... Да ужъ не знаю... Нѣтъ, нѣтъ, вы меня извините!..

— Что? Зайти ко мнѣ?..

— Д-да...

* См. №№ 46 и 47.

«БЕЗПРАВНАЯ».

Пятый актъ.

— Сокольскій, какъ вамъ не стыдно?

— Ну, хорошо, хорошо. Благодарю васъ. Такъ завтра, если позволите...

— Да иди же, дьяволъ, опять будешь въ кандалъной, изъ-за тебя представленіе отменятъ!

— Иду... иду... Значить, до завтра!

Сокольскій побѣжалъ на перекличку въ тюрьму.

— А вы отлично поете куплеты!—обращаюсь я къ Оедорову.

Оедоровъ сіяетъ.

— При театрѣ, знаете, понаторѣлъ... А вы къ намъ изъ Одессы изволили, говорить, прѣхать. Кто теперь тамъ играетъ?

— Труппа Соловцова.

— Николая Николаевича? Ну, какъ онъ?

— А вы и его знаете?

— Его-то? Еще съ Корша помню. У Корша я парикмахеромъ былъ. Да кого я не знаю! Марью Михайловну (Глѣбову) сколько разъ завивалъ. Рошанъ-Инсаровъ хорошій артистъ. Я вѣдь его еще когда помню. Отлично Неклюжева играетъ. Киселевскій Иванъ Платонычъ, строгій господинъ, парикъ не такъ завьешь,—бѣда!

Оедоровъ смѣется при одномъ воспоминаніи, — и у него вырывается глубокій вздохъ.

— Хоть однимъ бы глазкомъ посмотрѣть на господина Киселевскаго въ „Старомъ баринѣ!“ Эхъ!

— Абрашкинъ, чего на перекличку не идешь.

Но Абрашкинъ, артистъ на роли *ingenue dramatique*,—стоитъ, переминается съ ноги на ногу, дожидается тоже комплимента.

— А, здорово, братъ, это ты представляешь!—обращаюсь я къ нему.

Глупая фizioномія Абрашкина расплывается въ блаженную улыбку.

— Я, ваше высокоблагородіе, на рукахъ еще могу ходить,—мѣсто только не дозволяетъ!

— Комедіантъ, дьяволъ!—хохочутъ каторжане. Абрашкинъ со счастливой рожей машетъ рукой.

— Такъ точно!

А вѣдь этотъ добродушный человѣкъ—рѣзалъ.

— Къ вамъ Сокольскій. Говоритъ, что приказали притти!—доложила мнѣ рано утромъ квартирная хозяйка.

— Гдѣ же онъ?

— Велѣла на кухнѣ подождать.

— Да просите, просито!

Если бы улыбка не была въ этомъ случаѣ преступленіемъ,—трудно было бы удержаться отъ улыбки при взглядѣ на „штатскій костюмъ“, въ который обличился для визита ко мнѣ Сокольскій.

Рыжій, весь рваный пиджакъ, дырявые штблеты, необыкновенно узкіе и короткіе штаны, обтигивавшіе его ноги трико,—совсѣмъ костюмъ Аркашки.

— А я къ вамъ въ штатскомъ, чтобъ не смущать васъ арестантскимъ халатомъ,—сказалъ онъ.

— Да будетъ вамъ, Сокольскій, о такихъ пустякахъ. Садитесь, будемъ пить чай!

Сначала разговоръ вязался плохо. Сокольскій сидѣлъ на кончикѣ стула, конфузливо вынималъ изъ кармана бѣлую тряпку, которую досталъ вмѣсто платка.

Но мало-по-малу бесѣда оживилась. Оба москвичи, мы вспомнили Москву, театръ, прѣзжихъ знаменитостей.

Оба забыли—гдѣ мы.

Онъ оказался горячимъ поклонникомъ Поссарта, я—Барная. Мы спорили, кипятились, говорили горячо, громко, такъ что хозяйка нѣсколько разъ съ недоумѣніемъ, даже съ испугомъ заглядывала въ дверь.

— Чего, молъ, это они? Не надѣлалъ бы онъ прѣзжему господину дерзости?

Я продиктовалъ Сокольскому „Записки сумасшедшаго“, которыя зналъ наизусть. Записывая ихъ, Сокольскій отъ души хохоталъ надъ безсмертными выраженіями Поприщина.

Разговоръ перешолъ на литературу. Сокольскій особенно любить, знаетъ и понимаетъ Достоевскаго.

«БЕЗПРАВНАЯ».

Актеръ Громовъ—г. Далматовъ. (Рис. С. Панова).

Помнить цѣлыя страницы изъ „Мертваго Дома“ наизусть.

— Вѣдь я самъ хотѣлъ написать „Записки съ мертваго острова“. Конечно, это былъ бы не „Мертвый домъ“. Куда до солнца! Но все-таки хотѣлось дать понять, что такое теперешняя каторга. Думалъ, самъ погибъ, — но пусть хоть какъ-нибудь пользу принесу. Многие изъ интеллигентныхъ этимъ увлекаются. Да потомъ... бросаютъ. Здѣсь все бросаютъ... У всѣхъ почти начало есть... если только на цыгарки кто не искурилъ! Вотъ и у меня. Уцѣлѣло. Нарочно вамъ принесъ. Возьмете—радъ буду.

Мы заговорили о разницѣ между „Мертвымъ домомъ“ и теперешней каторгой.

Сокольскій говорилъ горячо, страстно, увлекаясь, какъ человѣкъ, которому на своихъ плечахъ пришлось вынести все это.

— Даже не „Мертвый домъ“ — говорилъ онъ, вскочивъ со стула и энергично жестикулируя, — даже не онъ! Такъ даже что-то было. Вспомните, этотъ ужасъ, это отвращеніе къ палачу. А здѣсь даже и этого нѣтъ... А эти дивныя строки Федора Михайловича...

Въ эту минуту дверь отворилась, и явившійся ко мнѣ съ визитомъ смотритель поселеній на полуфразѣ перебилъ Сокольскаго.

— Сбѣгай-ка, братецъ, на конюшню. Вели, чтобъ мнѣ тройку прислали!

— Слушаю, ваше высокоблагородіе! — выкрикнулъ Сокольскій и со всѣхъ ногъ бросился изъ комнаты.

Я схватился за голову.

— Зачѣмъ вы это?

Смотритель глядѣлъ на меня во всѣ глаза.

— Что зачѣмъ?

— Да развѣ нельзя было кого другого послать?.. Хоть бы изъ уваженія ко мнѣ...

Онъ расхохотался.

— Да вы что это? Гуманничать съ ними думаете? Съ мерзавцами? Да повѣрьте вы мнѣ, мерзавцы, мерзавцы и мерзавцы, — и больше ничего! Что ему сдѣлается?

Съ Сокольскимъ мы видѣлись довольно часто. Онъ дѣйтельно, охотно мнѣ помогалъ знакомиться съ каторгой, собирать пѣсни, составлять словарь арестантскихъ выраженій.

Но каждый разъ, какъ я заговаривалъ о чемъ-нибудь, кромѣ каторги, онъ весь какъ-то съеживался и бормоталъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Не надо объ этомъ... Ни о чемъ не надо... Вы уйдете, а мнѣ еще тяжелѣй будетъ.. Не надо!..

Одну странность я замѣтилъ въ Сокольскомъ.

Онъ словно чего-то не договаривалъ... Придетъ, посидитъ, повернется на стулѣ, поговоритъ о какихъ-то пустякахъ и уйдетъ... Словно давится онъ чѣмъ-то, что никакъ не можетъ сойти у него съ языка.

Старался навести его на этотъ разговоръ.

— Сокольскій, вы, кажется, мнѣ что-то хотите сказать? Пожалуйста, откровенно...

— Нѣтъ, нѣтъ... Ничего, ничего... Право, ничего... До свиданья, до свиданья!

Становилось тягостно.

— Сокольскій! — какъ-то не безъ страха началъ я, — я скоро уѣзжаю изъ Корсаковска. Вы мнѣ много помогли въ моей работѣ... Я за это, вѣдь, получаю гонораръ и считаю своимъ долгомъ...

На лицѣ Сокольскаго отразилось страданіе.. Во взглядѣ, который онъ кинулъ на меня, было много злобы.

— Къ вамъ идетъ кто-то... идетъ...

Его чуть не на половину откушенный языкъ заплетался и шепелявилъ еще больше.

— Ишдетъ... Ишдетъ...

И Сокольскій выбѣжалъ изъ комнаты.

— Да, Боже мой. Что-жъ это все за муки?! — должно быть, вслухъ крикнулъ я, потому что хозяйка отворила двери и спросила.

— Чаю прикажете? Звали?

Черезъ нѣсколько времени встрѣчаю моего знакомаго, „адвоката за каторгу“, „дурачка“ Шапошникова.

— Слушайте, Шапошниковъ. Вы пріятель Сокольскаго. Онъ что-то имѣетъ ко мнѣ, да все...

«БЕЗПРАВНАЯ».

Актеръ Громовъ—г. Далматовъ.

(Рис. А. Любимова).

Шапошниковъ пристально посмотрѣлъ мнѣ въ глаза и захохоталъ.

— Подстрѣлить васъ хочетъ, ваше высокоблагородіе. Да все не рѣшается!

— Какъ подстрѣлить? Какой вздоръ говорите!

Какъ „подстрѣливаютъ?“ Денегъ попросить семь цѣлковыхъ. Татары насѣли. Онъ тутъ майданщику да другимъ, за водку и за разное, семь рублей долженъ. Узнали, что онъ къ вашему высокоблагородію ходитъ, и насѣли: „проси да проси у барина“. Избить до полусмерти обѣщаютъ. А онъ давится, шельма! Ха, ха, ха! Давеча отъ васъ въ тюрьму какъ угорѣлый прибѣгъ. „Догадался!“ — кричитъ. Ха, ха, ха! Въ каторгѣ да этакія нѣжности!

— Да на-те, на-те вамъ, Шапошниковъ, пойдите, сейчасъ-же отдайте... Не говорите ему про нашъ разговоръ... Скажите, что я вамъ далъ, лично вамъ... Сдѣлайте тамъ какъ хотите...

Во взглядъ Шапошникова на одно мгновеніе сверкнула какой-то жалость, — но онъ сейчасъ же прищурилъ глаза и посмотрѣлъ на меня съ ироніей.

— Вы кого зарѣзали?

— Кто? Я?

— Вы!

— Я никого не рѣзалъ.

— Никого?.. Такъ за что же васъ на Сахалинъ послали?

И Шапошниковъ снова расхохотался своимъ страннымъ смѣхомъ, отъ котораго у непривычнаго человека мурашки по тѣлу пробѣгаютъ.

В. М. Дорошевичъ.

„Поздняя осень“.

(Рассказъ).

Продолженіе *).

II.

Въ некоторое время они стояли у 27 нумера молча. Впереди стоялъ Отростковъ, а Бамбуковъ слегка отодвинулся назадъ и изъ-за его могучаго плеча поглядывалъ то на картину, то на него, причемъ для послѣдней надобности онъ поднималъ голову и прищуривалъ лѣвый глазъ.

— Ну-съ, какъ находите, Виссаріонъ Степановичъ? Наконецъ, спросилъ онъ и дружески, фамиллярно взявъ его за локоть. — Неужели не видите?

— Вижу, что картинка такъ... Ничего себѣ... Даже не дурна! пробасилъ Отростковъ.

— А! Хе-хе-хе-хе! Не дурна!.. Въ достоинствахъ не отказываете? Хе-хе! А вы присмотритесь, присмотритесь...

— Присматриваюсь!

Бамбуковъ далъ ему времени еще съ минуту, затѣмъ уцѣпился за его руку и оперся на нее съ такимъ видомъ, будто прилаживался, какъ-бы полочѣе черезъ нее прыгнуть Отросткову на шею, и заговорилъ тихимъ, но въ то-же время значительнымъ, мягкимъ, но въ то-же время вѣдчивымъ голосомъ, похожимъ на нѣжную, душистую, но ядовитую и развѣдающую мазь.

— Виссаріонъ Степановичъ! Да какъ-же такъ вы говорите... Миѣ странно даже слышать это отъ васъ... Ужъ если вы, можно сказать, наши истинные цѣнители и судьи, отказываетесь видѣть то, чѣмъ наше искусство считаетъ себя въ правѣ гордиться... Позвольте-съ... Я прошу васъ взглянуть, забыть, такъ сказать, о томъ, гдѣ вы находитесь, и вообразить себя гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса, среди природы... Всмотритесь въ эту лужу, но всмотритесь глазами не публики, которая ничего не видитъ, кромѣ контуровъ и красокъ, и не художника, который видитъ не то, что написано, а то, какъ написано, — а глазами природы... Да-съ, природы-съ!.. Вѣдь эта лужа, это настоящая грязь... Вы чувствуете, что, при малѣйшей неосторожности, вы рискуете запачкаться и вамъ хочется даже слегка отодвинуться...

И онъ, какъ-бы почувствовавъ себя подъ впечатлѣніемъ лужи, чуть-чуть подався назадъ и вмѣстѣ съ собой оттянулъ Отросткова.

— Теперь взгляните на листья... Эти красноватые тона... Это не краски... Вы чувствуете, что эти краски не съ палитры... Что эта кажущаяся яркость есть послѣдняя, предсмертная улыбка умирающей природы. Въ нихъ чувствуется отживаніе, беспиліе... Наконецъ — эта ворона... Виссаріонъ Степановичъ, обратитѣ вниманіе на ея глаза, клювъ, наклонъ головы... Какая тоска выражается во всемъ этомъ, тоска по уходящему теплу... Она живетъ и дышетъ, ворона живетъ и дышетъ... А манера? Вглядитесь: неправда-ли, ничего особеннаго? И я съ вами согласенъ: ничего особеннаго. Но почему? Потому что это — манера безъ манерности... Да-съ... Вы меня понимаете? Художникъ достигаетъ поразительнаго эффекта, не открывая зрителю своихъ тайнъ, не раздѣляясь передъ нимъ до самаго, извините меня, нижняго бѣлья... Что такое, позвольте васъ спросить — импрессионизмъ, символизмъ, натурализмъ? Вѣдь это все манера, не больше. Одни нисетъ фіолетовыми точками и говорить: вся суть именно въ фіолетовыхъ точкахъ; другой — мазками и говорить: вся суть въ мазкахъ... Я не хочу видѣть ни точекъ, ни мазковъ, я хочу видѣть картину, вдохновеніе, природу на полотнѣ... Вотъ это и есть оно самое... И я вамъ говорю, Виссаріонъ Степановичъ, эта картина — для знатоковъ, для истинныхъ цѣнителей, для васъ... Ее не поймутъ — не только толпа, которой подавай что-нибудь кричащее, эффектное, но и художники не все поймутъ, потому что они — рутинеры. Да-съ. А поймутъ ее впоследствии... Эта картина для потомства...

Въ это время къ картинѣ подошли господинъ въ военномъ мундирѣ и двѣ дамы и молча остановились передъ ней. Бамбуковъ, закончивъ свою рѣчь, вдругъ загоропился куда-то. — Вы меня извините, Виссаріонъ Степановичъ, меня тамъ ждутъ... Вы, знаете, покупателя... тамъ. Нынче новый покупатель явился... Прогрессируемъ... Вы на Морской, по обыкновенію? Ну, значитъ, увидимся... Нѣтъ, а ворона-то, ворона... Выраженіе! Вы взгляните...

И Бамбуковъ исчезъ, точно сквозь землю провалился. Отростковъ продолжалъ стоять передъ картиной и глаза его какъ-то невольно перебѣгали съ лужи на листья, а съ листьевъ на ворону. Въ лужѣ дѣйствительно ему теперь видѣлось что-то новое по сравненію съ тѣмъ, что видѣлъ онъ раньше. Такъ-ли гипнотически повліяли на него слова Бамбукова, или въ самомъ дѣлѣ нашелся въ ней какой-нибудь штрихъ, котораго онъ раньше не замѣтилъ, но лужа точно выползала изъ картины и приглашала его запачкаться въ своей грязи. Тайна человеческого воображенія непостижима, а воображеніе художественныхъ коллоціонеровъ способно творить чудеса.

Двѣ дамы и военный господинъ между тѣмъ долго глядывались въ картину. Военный господинъ отступалъ и приближался, уклонялся влѣво и вправо, замуривалъ лѣвый глазъ, а къ правому приставлялъ несовсѣмъ сжатый кулакъ и смотрѣлъ сквозь него, какъ сквозь трубку. Наконецъ, онъ успокоился и сказалъ: — Да... Необыкновенная ворона!.. Необыкновенная!

Потомъ онъ быстро пошелъ куда-то въ толпу, извлекъ оттуда еще двухъ офицеровъ, тоже съ дамами и привелъ ихъ къ картинѣ. Тѣ тоже приставили, по его совѣту, къ глазамъ кулаки и смотрѣли на ворону и тоже находили, что она необыкновенная.

И окруженный этими неизвѣстными ему людьми съ приставленными къ глазу кулаками, Отростковъ, самъ того не замѣчая, совершенно безсознательно приставилъ къ правому глазу свой увѣсистый кулакъ и пристально смотрѣлъ на ворону. И вдругъ ему показалось, что ворона шевельнула хвостомъ, по

*) См. № 47.

вернула къ нему голову и кокетливо прищурила лѣвый глазъ... Тутъ только онъ замѣтилъ, что у него около глаза приставленъ кулакъ. Онъ сердито отдернулъ руку и низкимъ басомъ проворчалъ себѣ подъ носъ: — „чортъ знаетъ, что такое!“ и отошелъ отъ картины, сопровождаемый изумленными и негодующими взглядами военныхъ людей и ихъ дамъ.

У него слегка кружилась голова. Отъ слишкомъ пристального изученія лужи съ вороной, краски въ его глазахъ какъ-то смѣшивались и все картины, на которыя онъ потомъ смотрѣлъ, казались ему большими и маленькими лужами. Въ это время его кто-то дернулъ за рукавъ и онъ обернулся.

— А, Кальвинскій!.. произнесъ онъ, увидѣвъ передъ собою кудрявую русую голову красавца Кальвинскаго.

Это былъ хорошо извѣстный ему художникъ-пейзажистъ, картинъ котораго Отростковъ не любилъ. Кальвинскій здѣсь не выставялъ и у него, какъ только онъ вошелъ въ этотъ залъ „другого прихода“, на губахъ появилась саркастическая усмѣшка.

— Что? Созерцаете? Присматриваетесь? иронически спросилъ Кальвинскій, поздоровавшись съ нимъ.

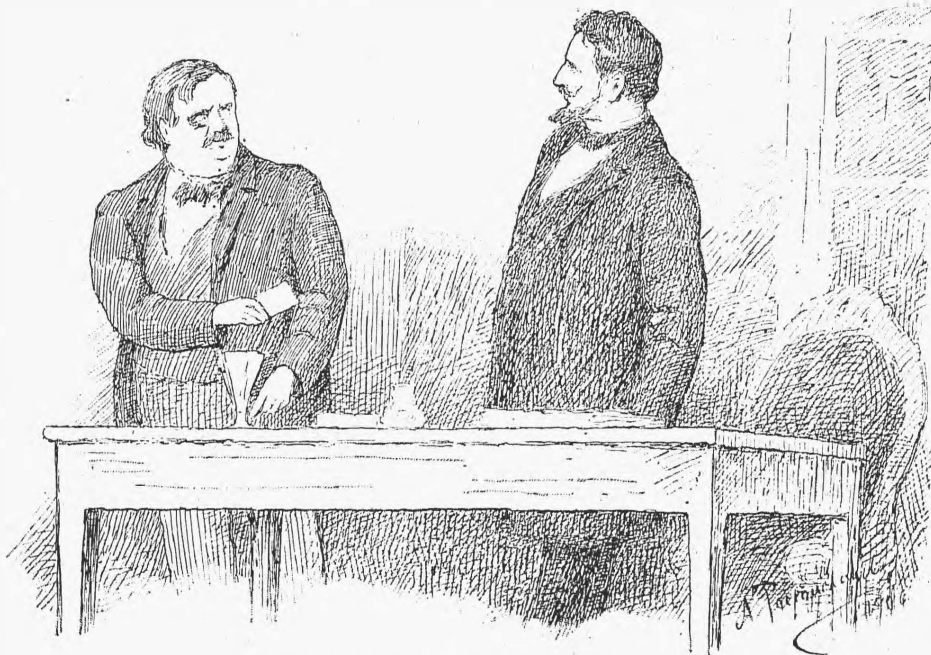
— Да... смотрю. А вы видѣли? Какъ нашли?

— Ничего. Холстина вездѣ хороша, рубля по три за аршинъ и краски французскія...

— Нѣтъ, безъ шутокъ: какъ по вашему?

— Да право же такъ: французскія и есть! Это сейчасъ видно: блестятъ... Впрочемъ, кой-что есть,

«ПРЕДЪЛЪ». (И. Шпажинскаго).

Сцена 2 акта («Американская дуэль»).

есть... Есть жанры, напримѣръ... нѣсколько смягчился для приличія Кальвинскій.

— А въ пейзажѣ ничего не замѣтили?

Кальвинскій скривилъ лицо, какъ будто вкусилъ кислого.

— Тошнота одна!

— А вотъ я вамъ покажу картинку, пойдете! сказалъ Отростковъ и рѣшительно повелъ его къ „Поздней осени“—скажите ваше мнѣнiе...

Около картины уже была другая публика. Военные люди съ дамами передвинулись дальше. Но—странное дѣло—и эти тоже смотрѣли сквозь кулакъ. Отростковъ остановился нѣсколько поодаль отъ публики, чтобы Кальвинскій могъ свободно высказаться.

— Ну, что скажете?

— Это Аспидова? спросилъ Кальвинскій.

— Вы его знаете?

— Какъ же! Веніаминъ Парменычъ... Изъ народа!..

— Ну, какъ же, по вашему?

— По моему, это не 27-й номеръ, миллионъ триста-тысячный...

— О, что вы? А лужа? Присмотритесь къ лужѣ?

— Разлитыя чернила!..

— Полноте! Ворона смотреть, какъ живая!

— Да... Видно, что писалъ съ чучела, котораго купилъ въ Александровскомъ рынкѣ... Нѣтъ ли чего лучше, Виссаріонъ Степанычъ? А если вы купите эту картину, такъ совѣтую вамъ повѣсить ее на шестѣ въ фруктово́мъ саду. Воробьи бояться вороньихъ чучелъ...

Неизвѣстно почему, но вдругъ общество Кальвинскаго сдѣлалось Отросткову невыносимымъ и онъ, даже недослушавъ его, какъ слѣдуетъ, быстро и отрывисто сказалъ: „До свиданія!“ и ушелъ такъ, что тотъ не успѣлъ даже опомниться.

„Завидуешь, это видно... Не можетъ даже владѣть собой!.. Хотя бы прикинулся скромнымъ“... думалъ Отростковъ, идучи съ выставки въ гостинницу, и—странное дѣло,—ничто такъ не расположило его въ пользу картины Аспидова, какъ именно этотъ отзывъ Кальвинскаго. Картина теперь рѣшительно начинала нравиться ему и хотя онъ былъ далекъ отъ того, чтобы раздѣлять восторги Бамбукова, а еще дальше отъ того, чтобы заплатить за нее пять тысячъ, но

Провинц. артистка В. К. Тенсонъ.

(Къ покушенію на жизнь см. № 44).

все же онъ полагалъ, что картина стоитъ того, чтобы объ ней затѣять переговоры.

И, прїѣхавъ въ гостиницу, онъ пошелъ прямо къ телефону, попросилъ соединить себя съ выставкой и вызвалъ Бамбукова.

— Въ семь часовъ свободны? спросилъ онъ.

— Какъ птица! звонко раздался у него въ ухѣ теноровый голосъ Бамбукова.

— Приходите въ „Медвѣдь“. Вмѣстѣ пообедаемъ...

— На крыльяхъ любви прилечу, дражайшій Виссаріонъ Степановичъ! отвѣтилъ Бамбуковъ и далъ отбой.

И. Потапенно.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ЗА ГРАНИЦЕЙ.

Партія молодыхъ французскихъ драматурговъ, приверженцевъ Ибсена, Гауптмана и Толстого, отпраздновала псую побѣду. Театръ Gynapse, оплотъ дряхлаго репертуара, поврвалъ въ нѣкоторомъ родѣ связь съ прошлымъ и превратился теперь во второй «Театръ Антуанъ».

Первое представленіе новой пьесы Жана Жульена «La Roigne», знаменующее эту реформу, заинтересовало весь литературный Парижъ. Парижскіе театры не рѣшались ставить произведенія этого автора. «La Roigne», бытовая и илейная пьеса: это картина чиновничьей жизни, изображеніе французской префектуры со всѣми ея анахронизмами и антидемократическими стремленіями и философскій анализъ вліянія на нравственные идеалы человѣка, желающаго властвовать.

«La Roigne» или l'homme à roigne—герой пьесы адвокатъ Перро, которому, вдругъ предлагаютъ должность отъ министра Тоннели, котораго онъ считаетъ отъявленнымъ мошенникомъ, вопреки протесту не только своей жены и сына Адриана, но и лучшаго политическаго друга, профессора лица Барроля.

Второе и третье дѣйствія наряду съ бытовой жизнью французской префектуры изображаютъ намъ постепенное нравственное паденіе Перро. Постепенно онъ теряетъ образъ человѣческой и окончательно превращается въ бездушнаго чиновника. Равладъ съ сыномъ доходитъ до того, что Перро въ порывѣ гнѣва окончательно прогоняетъ его, лишаетъ его наслѣдства и не хочетъ больше знать, что у него есть сынъ на свѣтѣ. Если какъ префектъ, онъ еще иногда вынужденъ переносить сопротивление его волѣ, въ семьѣ никто не долженъ ему перечить. Своимъ деспотизмомъ онъ доводитъ жену до смерти. Только дочь его, Люси, бессердечная и честолюбивая дѣвушка, всегда во всемъ соглашается съ нимъ, но лишь до тѣхъ поръ, пока она не выходитъ замужъ за ловкаго карьериста Сонтеня, который сейчасъ-же начинаетъ интриговать противъ своего собственнаго тестя, съ цѣлью завлечь его мѣсто.

Въ городѣ произошли безпорядки. Рабочіе устроили стачки. Перро не желаетъ принять присланныхъ къ нему делегатовъ и приказываетъ арестовать ихъ. Зять его Сонтеня все болѣе и болѣе подстрекаетъ его противъ рабочихъ и совѣтуетъ ему призвать войска. Волненіе увеличивается все болѣе и болѣе. Рабочіе требуютъ освобожденія арестованныхъ вожаковъ и отставки Перро. Префектъ уже готовится отдать приказъ войскамъ стрѣлять, когда является мэръ города и напоминаетъ ему его прежнюю спокойную жизнь либеральнаго адвоката, его общанія работать на благо человѣчества, и умоляетъ его отказаться отъ власти, такъ какъ она доведетъ его до кровопролитія. Перро вспоминаетъ всѣ бѣдствія, которыя обрушились на него съ тѣхъ поръ, какъ онъ слѣлся префектомъ, и, чтобы избѣгнуть кровопролитія, подаетъ въ отставку.

Завѣдующій машинною частью вѣнской оперы Бернье нашелъ средство доводить до желаемаго минимума размѣры сцены, для сценъ болѣе интимнаго характера. Для перваго опыта, выбраны комическія оперы Моцарта. Это техническое усовершенствованіе имѣетъ, однако, гораздо болѣе значенія для драмъ, нежели для оперъ.

ПРОВИНЦІАЛЬНАЯ ЛѢТОПИСЬ.

(Отъ нашихъ корреспондентовъ).

КАЗАНЬ. Въ теченіи октября репертуаръ былъ слѣдующій: «Жизнь за Царя», «Русланъ и Людмила», «Русалка», «Демонъ», «Маккавей», «Евгеній Онѣгинъ», «Опричникъ», «Пиковая дама», «Садко», «Царская невѣста», «Князь Игорь», «Дубровский», «Галька», «Травіатта», «Риголетто», «Балъ Маскарадъ», «Аида», «Гугеноты», «Жидовка», «Гамлетъ», «Ромео и Джульетта», «Фаустъ», «Самсонъ и Далила», «Карменъ» и «Тангейзеръ». Самыми любимыми Казанью операми, пожалуй, являются оперы П. И. Чайковского, особенно «Евгеній Онѣгинъ» и «Пиковая дама», затѣмъ «Демонъ» Рубинштейна и «Садко», Римскаго Корсакова. Все болѣе и болѣе приобретаетъ симпатіи публики и опера «Царская невѣста», довольно сдержанно принятая въ прошлый сезонъ. Поговоримъ о нашемъ мужскомъ персоналѣ. Наши тенора гг. Южинъ, Арцимовичъ и Брайнинъ—всѣ пользуются хорошимъ успѣхомъ и, надо сказать, по праву. Г. Южина мы знаемъ давно. Г. Арцимовичъ артистъ молодой, подающій хорошія надежды, поетъ онъ не всегда ровно, но, видимо, серьезно относится къ своему дѣлу. Иногда высокія ноты беретъ крикливо, но этотъ недостатокъ замѣчается не часто. Г. Брайнинъ—мѣстный уроженецъ, ученикъ извѣстнаго, въ свое время пѣвца—артиста Н. А. Преображенскаго; голосъ достаточно сильный и красивый, держится на сценѣ, пока, довольно мѣлководно; почти постоянно биссируетъ свои арии. Этому молодому артисту можно предсказать блестящую будущность. Партіи баритоновъ поютъ гг. Брыкинъ, Петровъ и Комаронскій. Г. Брыкинъ поетъ очень музыкально, изяшно, но голосъ его, видимо, ослабѣлъ, противъ прошлаго сезона, частично прихварываетъ. О пѣвцѣ г. Петрова мы писали много разъ. Г. Комаровскій пѣвецъ молодой, ему надо еще много работать, чтобы выработаться въ яркаго артиста, а пока онъ поетъ тускло. Наши басы: гг. Парамоновъ и Федоровъ начинаютъ завоевывать симпатіи публики. Г. Федоровъ обладаетъ большимъ, могучимъ голосомъ; дебютировалъ онъ не совсѣмъ удачно въ партіи Марселя, въ «Гугенотахъ», но затѣмъ счумѣлъ показывать себя хорошимъ пѣвцомъ и актеромъ, такъ. Такъ напр. яркій образъ Малыты Скуратова, въ «Царской невѣстѣ», наесмотря на то, что эта партія сама по себѣ блѣдновата. Г. Парамоновъ, крупная вокальная сила; прекрасно поетъ и играетъ, напр., въ партіи Мефистофеля, въ «Фаустѣ»; жаль одно—часто онъ поетъ какъ-то безучастно-холодно. Г. Акимовъ старательно поетъ басовыя партіи.

Относительно артистовъ, поющихъ вторыя партіи, можно и должно сказать, что они добросовѣстно исполняютъ ихъ, но ничѣмъ особеннымъ не выделяются. Въ октябрѣ мѣсяцѣ было не мало «дебютовъ», но никто изъ дебютирующихъ не приглашенъ въ составъ нашей оперы. Самымъ выдающимся дебютомъ былъ дебютъ молодой артистки пѣвицы г-жи Дарнѣ. Она выступила здѣсь впервые на оперную сцену, ранѣе же она появлялась, правда, съ большимъ успѣхомъ, на концертныхъ эстрадахъ. Для перваго своего выхода она, не безъ риска, выступила въ партіи Татьяны. Затѣмъ, въ партіи Ярославны, въ оперѣ «Князь Игорь». Мы сказали выше, что г-жа Дарнѣ «не безъ риска» выступила въ партіи Татьяны, сказали мы это потому, что въ той же партіи, съ особымъ успѣхомъ, вотъ уже второй сезонъ, поетъ любимица Казанской публики г-жа Полякова. Не смотря на это, яная пѣвица—дебютантка имѣла въ Татьянѣ большой успѣхъ. Правда, голосъ ея не особенно силенъ, но зато она поетъ задумчиво. Молодежь устроила пѣвицѣ овацію. Помимо пѣвца г-жа Дарнѣ выказала и сценическое дарованіе. Г-жа Дарнѣ играла не только хорошо, но и своеобразно талантливо.

Останавливаться на другихъ дебютахъ не стоитъ. Съ октября мѣсяца начался рядъ бенефисовъ и благотворительныхъ спектаклей. Отпразднованъ былъ и странный юбилей «постройки театра». Нашъ городской театръ сгорѣлъ въ 1874 г., отстроенъ былъ къ 1-му октябрю 1875 г.,—вотъ это-то событіе и отпраздновало «товарищество». Въ концѣ октября мѣсяца сильно заболѣла артистка Боброва, наше колоратурное сопрано. Товариществу пришлось подумать о замѣнѣ ея и вотъ была приглашена на десять спектаклей г-жа Картавина, выступившая съ большимъ успѣхомъ, въ партіи Джильды въ «Риголетто», 26 октября. Г-жа Картавина наша знакомая. Пѣла и ранѣе въ Казани. За тотъ промежутокъ времени, что мы ее не слыхали, голосъ ея окрѣпъ и развился; колоратура ея легка и, если можно такъ выразиться, граціозна... Хороши у артистки верхнія ноты; отчетливо и легка ея «pianissimo».

Въ заключеніе курьезъ: На афишѣ «Гамлетъ» (1-го октября), мы прочли слѣдующую строчку: «Партію Лярта любезно исполнитъ г. Южинъ». Что сей сонъ означалъ? Въ оперѣ «Гамлетъ» есть только одна партія для перваго тенора—это партія Лярта. Почему же для исполненія ея нужна была «любезность» перваго тенора?... Улыбнулись мы этой строчкѣ и только, но... Но вотъ ставится опера «Жидовка» и мы снова

читаемъ: «Роль Леопольда изъ любезности исполнить г. Арцимовичъ». Кажется, скоро мы прочтемъ, что «изъ любезности» поютъ всѣ артисты и артистки Казанской оперы.

Н. О. Юшковъ.

ХАРЬНОВЪ. Въ послѣднее, сравнительно короткое время, былъ поставленъ цѣлый рядъ новинокъ.

Наиболѣе интересными изъ новыхъ пьесъ являются драмы Генриха Ибсена, Гергарда Гауптмана и «Буреломъ» А. М. Федорова. Драма Ибсена «Когда мы, мертвые пробуждаемся», — нося странное названіе эпизода—довольно пессимистическая по своему настроенію; между тѣмъ, какъ въ драмахъ послѣдняго времени, достойныхъ великаго имени автора, всегда превозносились сила человѣческой личности, выражалась вѣра въ огромное значеніе стремленій единичныхъ героевъ духа, человѣчество порывалось къ царственнымъ высотамъ мысли... Въ этой драмѣ, наоборотъ, какъ-бы утрачивается вѣра въ героизмъ духа, уступая мѣсто его безсилію въ то время, когда человѣкъ отрѣшается отъ непосредственныхъ благъ жизни во имя высшаго служенія правдѣ, жажды красоты; съ этого момента человѣкъ дѣлается мертвецомъ, для него нѣтъ больше возврата. Такова, именно, идея драмы.—Въ художественномъ отношеніи драма Ибсена представляетъ повтореніе его пріемовъ: мрачный колоритъ фіордовъ, таинственная фигура сестры милосердія—олицетвореніе безумія и смерти—безсознательное сочетание стихійныхъ и душевныхъ процессовъ—таковы необходимые аксессуары его символическихъ драмъ.

Для исполнителей драма эта является крайне неблагоприятной. Вотъ почему роль скульптора (Рубека), сознательно убивавшаго въ себѣ голосъ жизни во имя жажды красоты, въ исполненіи г. Лепковского прошла какъ-то вяло и безцвѣтно. Другая центральная фигура драмы, служившая источникомъ влхновенія художника и оскорбленная въ своей любви, полубезумная и «мертвая» Ирена, была хорошо сыграна г-жей Днѣпровой въ особенности, когда она, мертвая, пробуждается, и жажда жизни тянетъ ее на вершину.—Другая группа лицъ, уже болѣе реальныхъ, прикованныхъ, такъ сказать, къ жизни, легкомысленная красавица Майя, жена Рубека и жизнерадостный землевладѣлец-охотникъ нашли себѣ удачныхъ исполнителей въ лицѣ г-жи Мартыновой и г-на Людвигова.—Декоративная сторона драмы не оставляетъ желать ничего лучшаго, въ особенности хороши въ 3-мъ дѣйствіи фіорды, горы, ураганъ и свѣтовые эффекты.

Въ противоположность Ибсену, драмы Гауптмана «Больные люди» и въ особенности «Одинокіе» отличаются глубокимъ реализмомъ. Всѣ персонажи драмы «Больные люди» являются дѣйствительно нейрастениками и, несмотря на нѣкоторую сгущенность красокъ въ изображеніи характеровъ, братья въ психологически вѣрной передачѣ г. Лепковского (Вильгельма) и Діевскаго (Роберта), являются живыми, родственными современному нервному поколѣнію. Отецъ-алкоголикъ былъ охарактеризованъ г. Людвиговымъ очень недурно. Драма эта держитъ зрительный залъ въ крайне напряженномъ настроеніи. Примирающій образъ невѣсты Вильгельма созданъ г-жей Кадминой.

Другая драма того-же автора «Одинокіе» является наиболее интересной новинкой настоящаго сезона. Г. Лепковский до конца выдержалъ характеръ Иоганна Фокерата; единственно, что мы можемъ поставить на видъ артисту—это рѣзкость мимики и движеній.

Анна Мааръ въ изображеніи г-жи Юрьевой была лишена нѣкоторыхъ необходимыхъ чертъ. Въ изображеніи артистки тусклѣетъ иллюзія духовности этого типа; такъ и кажется, что въ дружбѣ Иоганна съ Анной, основанной на общности ихъ міросозерцанія, проглядываютъ отношенія иного свойства. Г-жа Днѣпровая (Кетэ) была хороша въ роли ограниченной и любящей жены доктора. Такія буржуазныя роли ей очень подъ стать. Съ грустью мы должны сознаться, что всѣ три драмы оставили въ публикѣ смутное впечатлѣніе; но да не смущаетъ это театральную администрацію.

Въ «Буреломѣ», очевидно, понравившемся публикѣ, особенно пользовались успѣхомъ г. Добровольскій, не безъ увлеченія сыгравшій роль (Тюменевъ). Г-жа Юрьева создала очень рельефный образъ артистки Нильской;—то капризно-себялюбивой до жестокости, то отзывчивой,—то скупой и расточительной. Пріятное впечатлѣніе оставилъ г. Людвиговъ въ большой, но слабо очерченной авторомъ роли редактора (Тумазова). Г. Петровский изъ нѣскольکو карикатурнаго журналиста (Килевейнъ) создалъ живой образъ.

Съ 24 октября начались бенефисы. Первый бенефис выпалъ на долю г. Людвигова. Поставлены были двѣ комедіи: «Мышенокъ» Пальерона и «Превосходительный тестъ». Бенефицианту былъ поднесенъ лавровый вѣнокъ; сборъ былъ почти полный.

Г-жа Мартынова избрала для бенефиса комедію Мельяка «Кузиночка» и «Счастливый день». Любимица публики была принята восторженно. Въ этомъ спектаклѣ имѣли большой успѣхъ Глюскъ-Добровольскій и Петровский.

Въ бенефисъ г-жи Юрьевой, состоявшійся 29 октября, шла драма «Вторая жена» Пинеро. Единственная ярко обрисованная въ этой драмѣ роль (Паулы) женщины съ сомнительнымъ

прошлымъ, страстно стремившейся въ замужествѣ завоевать себѣ положеніе въ обществѣ представило бенефицианткѣ широкую возможность обнаружитъ присущія ей дарованію черты. Кромѣ того, г-жа Юрьева въ этой пьесѣ, какъ и во многихъ другихъ, обратила вниманіе публики роскошью своихъ туалетовъ. Бенефициантка была встрѣчена дождемъ привѣтственныхъ билетиковъ и роскошными корзинами цвѣтовъ...

Наконецъ, послѣдній бенефисъ г. Лепковского совпалъ съ торжествомъ чествованія 100-лѣтняго юбилея со дня рожденія П. С. Мочалова. Въ виду юбилея бенефициантъ избралъ для бенефиса «Гамлета», какъ одну изъ лучшихъ ролей «безумнаго друга Шекспира». Г. Ивановъ прочелъ сочиненное имъ прекрасное стихотвореніе, посвященное памяти Мочалова, послѣ чего оркестръ заигралъ тушь и при громкихъ рукоплесканіяхъ къ портрету трагика посыпались цвѣты и вѣнки. Г. Лепковский въ роли «Гамлета» имѣлъ внѣшній успѣхъ, но, тѣмъ не менѣе, его принцъ былъ лишень обаянія. Публики собралось гораздо менѣе, чѣмъ можно было ожидать въ этотъ дважды торжественный спектакль; въ особенности блистала отсутствіемъ публики первыхъ рядовъ. Возобновленная трагедія «Царь Θεодоръ» въ пятый разъ привлекаетъ массу публики; въ ней попрежнему пользуется успѣхомъ г. Діевскій.

Въ театрѣ Коммерческаго клуба продолжаетъ привлекать публику оперетка подъ управленіемъ г. Ахматова и г. Левицкаго. Наибольшимъ успѣхомъ пользуется г-жа Смолина (каскадная пѣвица). Г-жа Бауэръ (лирическая пѣвица) обладаетъ пріятнымъ сопрано; жаль, что проза ей совсѣмъ не удается. Г. Кубанскій (простакъ) артистъ съ дарованіемъ. Г. Чабанъ (теноръ) не обладаетъ данными опереточнаго премьера; небольшая голосъ, это не бѣда, но у артиста отсутствуетъ темпераментъ. Хоръ, въ особенности женскій, слабъ. Выписанный, какъ гласятъ вообще широковѣщательныя опереточныя афиши, «артистъ С.-Петербургскихъ театровъ» Брянскій на отвѣтственное въ опереткѣ амплуа комика, не оправдалъ надеждъ. Оперетка, однако, приводитъ посѣтителей въ восторгъ, доходящій до неистовства.

А. В. Х.

ЯРОСЛАВЛЬ. За послѣднее время поставлено было у насъ два очень интересныхъ спектакля: «Василиса Мелентьева» для г-жи Васильевой (Василиса) и «Шейлокъ»—для самого г. Дарскаго. «Шейлока» ожидали съ нетерпѣніемъ, такъ какъ еще задолго до спектакля слышали о частыхъ релетиціяхъ и о грандіозныхъ приготовленіяхъ. Къ тому-же хотѣлось пови́дѣть и самого г. Дарскаго, который до сихъ поръ еще ни разу не выступалъ передъ ярославской публикой. «Шейлокъ» прошелъ при полномъ сборѣ, несмотря на значительно увеличенныя цѣны. Ярославцы не ошиблись. Превосходная декорация, изысканные костюмы, тщательная разработка каждой фразы, каждаго движенія—не оставляли желать ничего лучшаго. Первый выходъ г. Дарскаго былъ встрѣченъ аплодисментами, его вызывали безъ конца. Это былъ еврей-фанатикъ, скорѣе еврей-борецъ за идею, чѣмъ еврей-торгашъ. Особенно удалась г. Дарскому та сцена, когда Шейлокъ узнаетъ о бѣгствѣ дочери и о кражѣ у него денегъ. Только развѣ немного молодежавый голосъ г. Дарскаго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не совсѣмъ гармонировалъ съ его старческимъ гримомъ. Прекрасно была поставлена сцена у Порціи (г-жа Дарская). Прелестная декорация и изысканные костюмы, вѣрные стили и эпохъ, переносили зрителей въ тотъ полусказочный міръ, къ которому невольно стремится душа, сознавая всю его житейскую непрактичность. Это была очаровательная бонбоньерка, полная красивыхъ словъ и жизнерадостныхъ фигуръ, увлекавшихъ зрителей далеко за предѣлы прозаической дѣйствительности. Г. Сазоновъ создалъ нѣжный образъ честнаго Граціано. Успѣху пьесы не мало способствовали также и г-жа Жданова (Джессика) и г. Громовъ (Лоренцо), придавшіе особенную мягкость послѣднему ея акту.

Очень понравилась публикѣ «Забавы» Шпицлера. Наибольшимъ успѣхомъ въ ней пользовались г. Сазоновъ (Теодоръ) и г-жа Будкевичъ (Мици). Если-бы дирекціей не было принято за правило выпускать на вызовъ публики сразу всѣхъ участвующихъ въ пьесѣ, то, несомнѣнно, что послѣ каждаго акта гг. Сазонову и Будкевичъ пришлось бы по нѣскольку разъ раскланиваться передъ публикой.

31-го октября въ 3-й разъ шла Чеховская «Чайка». Лишний разъ удостоверяю прелестное исполненіе роли Сорина г. Колесовымъ.

М. П. Чех—въ.

РОСТОВЪ на ДОНУ. Съ 10-го октября по настоящее время (12-го ноября) были поставлены: «Травиата», «Сельская честь», съ неизбѣжными «Паяцами», «Русланъ и Людмила», «Демонъ», «Жидовка», «Царская невѣста» (4 раза), «Жизнь за Царя», «Пиковая дама», «Дубровский», «Миньона», «Риголетто», «Рукалка», «Африканка», «Мазепа», «Севильскій цирюльникъ», «Опричникъ», «Фаустъ» и «Трубадуръ». Особеннымъ успѣхомъ къ чести ростовской публики, пользуется «Царская невѣста» и «Опричникъ». Спектакли по удешевленнымъ цѣнамъ, даваемые по понедѣльникамъ, привлекаютъ массу публики, и, на нашъ взглядъ, антрепренеръ можетъ рискнуть увеличить ихъ число. Сборы не плохіе. Дѣло поставлено вполне добро-совестно. Въ прошлой корреспонденціи я уже высказалъ общій взглядъ на труппу. Къ сказанному необходимо сдѣ-

лять кос какия добавленія. 2-го ноября начались гастроли баритона І. С. Виноградова. Артистъ выступилъ въ «Риго-летто», «Африканкѣ», «Мазепѣ», «Севильскомъ цирюльницѣ» и «Трубадурѣ» и выказалъ себя пѣвцомъ съ изумительной подвижностью въ голосѣ, техникой и превосходнымъ актеромъ не только на сильно-драматическія, но и на комическія роли. Въ прошломъ отчетѣ я не упомянулъ о г. Булатовѣ. Этотъ молодой, начинающій только свою карьеру, пѣвецъ; пока ему недостаётъ живости и воодушевленія въ исполненіи. Болѣе опредѣленно можно отозваться о г-жахъ Сеголю-Рознатовской и Кравецъ. У первой—несильный голосъ, но хорошія игра, которая могла-бы служить хорошимъ примѣромъ для бѣляевской труппы, вторая болѣе сильна въ музыкальномъ отношеніи, но не всегда хороша въ сценическомъ. Сглаживаются неровности въ пѣніи и игрѣ у г-жъ Никитской, Карениной, Голикиной и г. Полуинова. Хорошо провозятъ свои партіи въ вокальномъ и сценическомъ отношеніи, г-жи Сущкова-Бѣлоусова, Брунъ, гг. Агулинь (пожелаемъ ему болѣе смѣлости на сценѣ), Трубинъ, Соколовскій, Сангурскій и Михайловъ-Стоянъ. 28-го октября проѣхалъ изъ Кіева въ Тифлисъ г. Каміонскій съ «Евгеніемъ Онегинымъ», 11-го ноября—Бартини съ «Фаустомъ». Отъ вокальной музыки одинъ шагъ къ инструментальной. Мѣстное отдѣленіе Императорскаго Русскаго Музыкальнаго Общества устроило два квартетныхъ собранія, въ которыхъ принимали участіе Э. К. Гартмутъ (фортепіано), О. И. Чабанъ (1-ая скрипка), С. С. Будиницкій (2-ая скрипка), И. А. Рыло (1-й альтъ), Л. Л. Деджиролламо (2-й альтъ), Н. Н. Федоровъ (1-ая виолончель), К. Кре (2-ая виолончель). Наряду съ этими опытными исполнителями, состоящими преподавателями музыкальнаго училища, отмѣтимъ молодого, начинающаго скрипача г. Рыло, играющаго съ большимъ чувствомъ и хорошей техникой.

Отъ музыки перейдемъ къ драмѣ. Какъ я уже писалъ, г. Бѣляеву сдали Нахичеванскій театръ на очень выгодныхъ условіяхъ. Осталось только собрать приличную труппу, благо теперь много актрисъ и актеровъ не у дѣлѣ, и составить порядочный репертуаръ. Къ сожалѣнію, антрепренеръ этого не сдѣлалъ. Изъ ангаровской труппы онъ оставилъ г-жъ Гореву-Трескину, Лавровскую, Летаръ, Лидицу, гг. Вольскаго, Ратова и второстепенныхъ актеровъ и актрисъ. Г-жа Гореву-Трескина опытная актриса изъ разряда шаблонныхъ провинціальныхъ героинь. Есть игра, но нѣтъ чувства. Г-жа Лавровская—опытная актриса, никогда не портившая ролей, но и только. Г-жѣ Летаръ никоимъ образомъ не хочется перейти на амбула драматическихъ старухъ. Г-жа Лидица—единственная живая и способная актриса: много бойкости, заразительной веселости. Изящна по внѣшности и исполненію, г. Бѣляевъ. Руку г-жѣ Горевой-Трескиной по части шаблона могъ-бы позать г. Вольскій. Г. Ратовъ—интеллигентный, умный актеръ съ строго-опредѣленнымъ амбула. Его удѣлъ—не буффонада, даже не обыкновенный юморъ комедіи, а комическо-характерныя роли. Это—ангаровскіе «столпы». Вновь приглашены г-жа Золотарева, гг. Аркунинь и Яковлевъ. Г-жа Золотарева—ingenue dramatique—съ теплою и задушевностью исполненія. Г. Аркунину нужно еще много поработать надъ собой. Ровностью отличается игра г. Яковлева, что и требуется для приличнаго исполненія реверсирскихъ ролей. Изъ молодыхъ отмѣчу г-жу Лихомскую, подающую надежды стать въ недалекомъ будущемъ хорошею ingenue dramatique. Появленіе на сценѣ такихъ актрисъ, какъ г-жи Карелина, Чижегова, актеровъ вродѣ гг. Гринина, Верстовскаго вызываетъ досадное чувство сожалѣнія. Что касается репертуара, то и здѣсь видна неопытность и полное отсутствіе какой-нибудь программы. Судите сами. При трехъ-четырехъ спектакляхъ въ недѣлю на сценѣ почти даромъ доставлягося театра съ 13-го октября по 12-е ноября были поставлены: «Самородокъ», «Нина» съ «Нюбеей», «Права мужа», «Свѣтитъ, да не грѣетъ» (дебютъ г-жи Золотаревой и г. Аркунина), «Горе-злосчастіе», «Глухая стѣна», «Лѣсъ», «Отцы и дѣти», «Дѣвичій переполохъ» (бенефисъ г-жи Лидиной), «Парижскіе нищіе» (3-го ноября, въ день юбилея П. С. Мочалова), «Вѣчная любовь» съ «Супружескимъ счастьемъ», «Дочь современнаго Вавилона», «Сибирскій Риго-летто», «Борцы», «На жизненномъ пиру». Островскій рядомъ съ Никольскимъ, Лушманова съ Карнѣевымъ, вездѣсущій Крыловъ, Мансфельдъ около Салова!

Любительскіе спектакли даются въ залахъ ремесленной управы и профессиональнаго общества. У ремесленниковъ хорошій и опытный режиссеръ г. Джановскій. Этимъ любителямъ по плечу только пестульки, поставленная ими «Свадьба Кречинскаго», къ сожалѣнію, провалилась. С. Ч.

ВИЛЬНА. Начались бенефисы. При солидной численности труппы; серія бенефисовъ, надо полагать, будетъ предлинная.

Первымъ состоялся бенефисъ г. Волохова въ пьесѣ «Двѣ судьбы».

Г. Волоховъ, молодой актеръ, нашелъ свой идеалъ въ «Двухъ судьбахъ», въ пьесѣ, представляющей собою, какъ

извѣстно, смѣсь мелодрамы, каррикатуры и денежныхъ сентенцій. Прискорбный фактъ.

Совѣршено иначе отнесся къ своему бенефису г. Норинъ, онъ поставилъ «Доктора Штокмана». Ибсеновская пьеса оказалась подавляющему большинству и сухой, и скучной.

Въ неудачныхъ пьесахъ отчасти виноваты и исполнители—они играли слишкомъ вяло и главное, они сумѣли передать духъ и настроеніе ибсеновской пьесы. Близко, даже очень близко подошелъ къ «Доктору Штокману» г. Норинъ; незначительные недочеты въ его исполненіи нужно поставить въ вину остальнымъ исполнителямъ, сбивавшимъ бенефицианта съ тона; впрочемъ, менѣе всего это относится къ г-жѣ Карениной (Нѣтра) и г. Смирнову (Гансъ Штокманъ).

Въ первой корреспонденціи мы сообщили, что виленьскіе педагоги изобрѣли новый способъ воспитанія юношества «Да здравствуетъ французская мелодрама!»—провозгласили учителя гимназій. «Да здравствуетъ французскій фарсъ»—хоромъ закричало на прошлой недѣлѣ «начальство» виленьскаго желѣзнодорожнаго училища. За словомъ послѣдовало дѣло: во главѣ съ своими преподавателями ученики-желѣзнодорожники ринулись къ кассѣ и съ боя взяли всѣ ложки бель-этажа на представленіе «Контролера снальныхъ вагоновъ». Желѣзнодорожный фарсъ.

Фарсъ разыгранъ былъ тяжело; странное явленіе: для фарсовъ у нашихъ артистовъ не хватаетъ ни легкости, ни живости, ни истиннаго юмора, а комедіи они разыгрываютъ фарсами. Пріятнымъ исключеніемъ было исполненіе милой комедіи фонъ-Штеина «Золотая Ява». Спектакль пропелъ почти безъ сучка и задоринки. Роли были распределены между лучшими силами нашей труппы: г-жами Шенной (Ява), Яблочниной (Барбара), гг. Никулинымъ (Петеръ), Смирновымъ (Гансъ фонъ-Штеингенъ) и Дмитріевымъ (Христофъ); одинъ только г. Хохловъ нѣсколько шаржировалъ въ роли графа Цека; шаржъ это—слабость г. Хохлова, начавшаго свою дѣятельность, кажется, у Омона; къ сожалѣнію, молодой актеръ имѣетъ еще одинъ крупный недостатокъ, выражающійся въ упорномъ образѣ интонаціи, темна рѣчи, движеній, манеръ и мимики.

10-го ноября въ первый разъ выступилъ балетъ дирекціи—сюриризь, дѣйствительно, неожиданный. Оказывается, что виленьская театральная дирекція для болѣе успешности въ заботахъ по насажденію русской культуры въ сѣверо-западномъ краѣ пригласила въ помощь драматической труппѣ балетъ. Балетные спектакли были-бы очень желательны виленьцамъ, но при незначительномъ составѣ балетной труппы (1 мужчина и 7 женщинъ) подобные спектакли невозможны. Балету дирекціи придется выступать только въ дивертисментѣ и исполнять отдѣльные нумера, но въ такомъ случаѣ балетъ теряетъ весь свой смыслъ, ибо отдѣльные нумера въ родѣ «матлетовъ», чардашей и всякіе другіе «дансы» нисколько ни интересны публикѣ. Балетъ обходится дирекціи въ 1200 р. въ мѣсяцъ; слѣдовательно, всю правительственную субсидію за сезонъ поглотитъ непроизводительно балетъ, т. е. «балетмейстеръ-солистъ» (дѣйствительно, солистъ во всѣхъ отношеніяхъ), «prima-balerina absolute» и «кордебалетъ (изъ 6 танцовщицъ).

Р—мѣс.

ПОЛТАВА Ничего у насъ не было въ лѣтнемъ сезонѣ, ничего нѣтъ и теперь. Одна надежда, что къ декабрю закончится постройка новаго городского театра, названнаго почему-то «Просвѣтителнымъ зданіемъ, имени Гоголя»; т. е. виноватъ, я оговорился, написавши слова; «почему-то» Ларчикъ открывается довольно просто. Въ началѣ городской дума рѣшила выстроить театръ и ассигновала на это дѣло 40 т. руб.; но увы! денегъ не хватило и потому было взято еще 45 т. руб. у Общества Поощрен. Трезвости. Начали строить *хозяйственнымъ образомъ*, и, о ужасъ, вытратили зданіе въ 200 т. руб. Когда доложили Думѣ, то Дума только ахнула, растерялась и рѣшила благодарить комиссію. Теперь зданіе кончено, и дѣйствительно получился прелестный зрительный залъ съ лѣпными работами въ 3 яруса. Замѣчу, однако, что изъ ложъ бель-этажа, сцену видѣть могутъ только два человѣка, сидящіе у барьера, и изъ галлерей со вторыхъ скамеекъ какъ выразился одинъ гласный въ думскомъ засѣданіи: «можно слышать, но не видѣть». Имѣютъ чудное фойѣ, подвижной полъ въ зрительной залѣ, широкіе коридоры, электричество, паровое отопленіе и буфетъ, даже съ кухней для горячихъ блюдъ. Залъ рассчитанъ на 1000 чел. Казалось бы, все хорошо, только работай, да работай, но здѣсь-то и вышла большая чепуха. Начала комиссія подсчитывать, сколько же долгу на зданіи, и получилась довольно солидная цифра (больше 100 тыс. руб.) и чтобы только уплатить 0/0, нужно выработать до 10 т. руб. да содержаніе администраціи, какъ было заявлено въ Думѣ, будетъ стоить до 12 тыс. руб. Стало быть, нужно минимумъ получить въ годъ за театръ 22 т. руб. Теперь является вопросъ, сколько-же брать отъ вечера, и какая-же труппа въ состояніи вынести? Я здѣшній старожилъ и не помню, по крайнѣй мѣрѣ, за 10 лѣтъ, чтобы хоть одна труппа взяла въ сезонъ больше 10, 12 тыс. руб. и кончила сезонъ благополучно, даже при платѣ 40 руб. за вечеръ. Въ чемъ-же дѣло? Да очень просто; у насъ нѣтъ *сминой* публики, а горожане народъ бѣдный, большинство чиновниковъ, живущихъ буквально

отъ 20-го до 20-го. Конечно, можетъ быть, какой-нибудь смѣлый антрепренеръ и рискнулъ бы на первыхъ порахъ, пока зданіе—новинка, но условія прямо невозможны. Во-первыхъ коммисія проситъ отъ 125 руб. до 150 руб. за вечеръ (безъ вѣшалки и буфета), и, кромѣ того, въ праздничные дни нужно залъ уступать для народныхъ чтеній, и также давать иногдѣ и народные спектакли, по самымъ низкимъ цѣнамъ, да въ добавокъ нужно въ сезонъ отдать 20 лучшихъ вечеровъ, для симфоническихъ концертовъ, мѣстнаго музыкальнаго общества. Что же даетъ коммисія? Зданіе и пять декораций. Подобныя условія коммисіи положительно невозможны. Далѣе вопросъ о буфетѣ. По уставу Общ. Попеч. Трезв., спиртныхъ напитковъ въ буфетѣ не должно быть, но нашу городскую коммисію это нисколько не смутило, и она быстро додумалась: будемъ смотрѣть на просвѣдѣтельное зданіе съ двухъ точекъ зрѣнія: когда будетъ народный спектакль по афишѣ, то и буфетъ не имѣетъ права торговать спиртными напитками, а когда по афишѣ, какъ выразился одинъ членъ Думской коммисіи, будетъ «представленіе» вообще для публики, пусть продаютъ въ буфетѣ и спиртные напитки.

И волки сыты...

Для открытія любителями усиленно готовится «Ревизоръ». (Объ исполненныхъ спектакляхъ и о торжествѣ открытія постановю своевременно сообщить.

Нетс.

АСТРАХАНЬ. Наша опереточная труппа, подъ управленіемъ П. П. Добротини, пользуется большимъ успѣхомъ. Для открытія зимняго сезона пѣла «Гейша», любимая оперетта астраханцевъ. Изъ артистовъ отмѣтимъ: Дубровскую-Добротини, Чельскую (артистка на каскадныхъ роли. Хорошая Мелли и Елена Прекрасная). Вилинского, (не дурной теноръ, пѣвецъ опытный и очень музыкальный). Задольского, (симпатичный баритонъ), Панина (хорошій протаскъ), Шетинина и Щербакова (прекрасные комики). Изъ новинокъ готовится «Зага»—Вилинского. Ежедневно даются спектакли по уменьшеннымъ цѣнамъ. Сборъ средній.

Астраханское Отдѣленіе Императорскаго Музыкальнаго Общества 25-го октября, въ день годовщины смерти Петра Ильича Чайковскаго, устроило концертъ; посвященный памяти покойнаго композитора.

Изъ участвующихъ отмѣтимъ: молодого пианиста Л. А. Максимова, который съ громаднымъ успѣхомъ сыгралъ фортепианный концертъ, и на bis фантазію на «Евгенія Онѣгина»—Чайковскаго—Пабста. Пианистъ онъ безусловно съ темпераментомъ обладаетъ прекрасной техникой и громадной силой. Паниъ виолончелистъ г. Марешъ, прекрасно и съ большимъ чувствомъ сыгралъ чудную «осеннюю пѣсню». Въ этотъ же вечеръ выступалъ и оперный артистъ г. Рензи (баритонъ), съ большимъ успѣхомъ спѣвшій нѣсколько романсовъ. Сборъ съ концерта получился почти полный. Ноября 8-го назначенъ концертъ Лосифа Гофмана, извѣстнаго пианиста.

А. Дадатевъ.

АЛФАВИТНЫЙ СПИСОКЪ

пѣсь безусловно дозволенныхъ къ представленію по 1 окт. 1900 г.

1) Владиміръ Дубровскій. Драма въ пяти картинахъ. Передѣлана изъ повѣсти А. С. Пушкина, Павломъ Соколовымъ. Москва. 1900 г.

2) Въ декадентскомъ гнѣздѣ (Русскіе декаденты). Сатирическій фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ К. А. Михайлова. С.-Петербургъ. 1900 г.

3) Выставка красавицъ. Комедія-фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе П. А. С. Ж. Соколова-Жамсонъ. Москва. 1900 г.

4) Грѣхъ попуталъ. Драма въ пяти дѣйствіяхъ И. В. Шпажинскаго. Москва. 1900 г.

5) Дама отъ Максима. Фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ, съ французскаго А. С. Полонскаго. Москва. 1900 г.

6) Дама отъ Максима или тетушка-пострѣлъ. Фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ французскаго В. А. Казанскаго. «La dame de chez Maxim». С.-Петербургъ. 1900 г.

7) Двѣ судьбы. Пьеса въ пяти дѣйствіяхъ И. В. Шпажинскаго. Москва. 1900 г.

8) Дорогой поцѣлуй. Шутка въ одномъ дѣйствіи Р. Чинарова. Москва. 1900 г.

9) Женихъ. Комедія въ одномъ дѣйствіи А. Шнитцлера. Переводъ Э. Матерна. Москва. 1900 г.

10) Женская любовь. Драматическій этюдъ на тему изъ «Записокъ Горона» М. И. Чайковскаго. Москва. 1900 г.

11) Живыя тѣни. Комедія въ четырехъ дѣйствіяхъ и пяти картинахъ Е. Зеландъ (Дубельтъ). (По печатному изданію и по отдѣльнымъ оттискамъ журнала «Театръ и Искусство». Типографія с.-петербургскаго товарищества «Трудъ». С.-Петербургъ. 1900 года).

12) Зага. Комическая опера въ трехъ дѣйствіяхъ. Стихи Н. Г. Сѣверскаго. С.-Петербургъ. 1900 г.

13) Записки сумасшедшаго. Сцена въ одномъ дѣйствіи. Москва. 1900 г.

Редакторъ А. Р. Кугель.

14) Какъ снѣгъ на голову или сердечная паутина. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ М. В. Карнѣева. Москва. 1900 г.

15) Княгиня Курагина. Драма изъ жизни восьмидесятихъ годовъ XVIII вѣка въ пяти дѣйствіяхъ И. В. Шпажинскаго. Москва. 1900 г.

16) Когда мы мертвые пробуждаемся. Драматическій эпизодъ въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе Генриха Ибсена. Переводъ Э. Э. Матерна. Москва. 1900 г.

17) Когда мы мертвые проснемся (Naar vi dode vaagner). Драматическій эпизодъ въ трехъ дѣйствіяхъ. Переводъ съ норвежскаго Ю. Балтрушайтиса и С. Полякова. Москва. 1900 г.

18) Кузнецъ заколдованный. Шутка-фарсъ изъ русской жизни XVII столѣтія въ трехъ дѣйствіяхъ съ пѣніемъ и плясками. Сочиненіе З. Москва. 1900 г.

19) Лизавета Николаевна. Комедія въ трехъ дѣйствіяхъ М. И. Чайковскаго. Москва. 1900 г.

20) Лизина игрушка. Фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ Артура Бернеда и Альберта Дюбарри. Переводъ съ французскаго К. П. Ларина. Москва. 1900 г.

21) Лучъ. Сцена въ двухъ дѣйствіяхъ И. В. Шпажинскаго. Москва. 1900 г.

22) Мошенники. Фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ. Передѣл. съ французскаго А. В. Серполетти. Москва. 1900 г.

23) Муравейникъ. Комедія въ двухъ дѣйствіяхъ Н. Криницкаго. Москва. 1900 г.

24) На охотѣ. Фарсъ въ трехъ дѣйствіяхъ съ французскаго А. С. Полонскаго. Москва. 1900 г.

РЕПЕРТУАРЪ

Императорскихъ с.-петербургскихъ театровъ

съ 27-го ноября по 4-е декабря 1900 г.

Александринскій театръ. 27-го ноября: «Коварство и любовь», 28-го: «Цѣна жизни», 29-го: «Сверхъ комплекта», 30-го: бенсфисъ Р. Б. Аполлонскаго: «Трагедія о Гамлетѣ, принцѣ Датскомъ». 1-го: «Злоба дня», 3-го, утромъ: «Баронъ», Вечеромъ: «Предѣлъ», «Сотрудники».

Михайловскій театръ. 27-го ноября: «Буреломъ», 28-го: «L'autographe»,—«La tortue», 29-го: «Коварство и любовь», 30-го: «L'autographe»,—«La tortue», 1-го декабря: «Сверхъ комплекта», 2-го: «La robe rouge», 3-го: «La robe rouge».

Маринскій театръ. 27-го ноября: «Валкирія», 28-го: «Евгеній Онѣгинъ», 29-го: «Фра-Діаволо», 30-го: «Валкирія», 1-го декабря: «Князь Игорь», 3-го утромъ: «Евгеній Онѣгинъ», Вечеромъ: бенсфисъ г. Герата (за 40-лѣтнюю службу): «Билдерка».

Почтовый ящикъ.

САМАРА г. Г—ну и др. подписчикамъ. Всѣ страницы въ пѣсь «Преступленіе и Наказаніе», по ошибкѣ типографіи поставлена 65 стр. вмѣсто 49. Потрудитесь провѣрить.

ОБЪЯВЛЕНІЯ.

Казанская Городская Управа

приглашаетъ лицъ, желающихъ арендовать Казанскій городской театръ на 2-лѣтній послѣ 15-го іюля 1901 года срокъ, сдѣлать ей заявленія объ этомъ не позднѣе 1-го декабря 1900 года. Отъ арендатора требуется хорошая постановка драматическихъ представленій съ 1-го сентября до начала весны, до 1-го мая,—опера.

Было бы желательно, чтобы для выясненія подробныхъ условій антрепризы лица, желающія арендовать театръ, прибыли въ Казань.

№ 3323. 4—4.

Уманскій Городской Театръ

при немъ электр. станція отдается въ аренду. Подробности и условія можно узнать у владѣльца.

Н. Д. Фишмана въ г. Умани, Кіев. губ.

№ 3326 4—3.

Издательница З. В. Тимофеева (Холмска).

„НИВА“

дасть въ теченіе
одного 1901 года

своимъ подписчикамъ

БЕЗПЛАТНО

(стоящее въ отдѣл.
продажъ 15 руб.)

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“

на годъ со всѣми приложениями:

Безъ доставки въ СПб. **5р. 50к.**

Безъ доставки: 1) въ Мо-

сквѣ, въ конторѣ Н. Поч-

новской—6 р. 25 к. 2) въ

Одессѣ, въ книжн. магаз.

„Образованіе“—6 р. 50 к.

Съ доставкою въ СПб. **6р. 50к.**

Съ перес.
во всѣхъ горо-
да и мѣстн. **7**
Россіи. **7** р.

За границу—10р.

Разрочка плати-

тъ въ 2 и 3 срока.

Подписчики „НИВЫ“ получаютъ въ 1901 г.:

52 №№ журнала „Н ВА“ (до 1500 столбцовъ текста и 500 гравюръ), въ которыхъ, между прочимъ, появятся: 1) еще нигдѣ не выпечатанный посмертный произведеніи

Д. В. ГРИГОРОВИЧА: „Очерки Венеціи“ и „Изъ записной книжки“ (характеристики выдающихся современн. русскихъ дѣтелей и анекдоты изъ ихъ жизни); 2) рядъ статей со множествомъ рисунковъ картъ и проч. подъ заглавіемъ: „**ХІХ ВѢКЪ**“. Статьи эти дадутъ читателю полную картину жизни истекшаго столѣтія и составятъ роскошный томъ.

24 тома „Сборника Нивы“, содержащаго **ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ Г. П. ДАНИЛЕВСКАГО** („Черный годъ“, „Сожженная Москва“, „Княжна Таранова“, „Мировичъ“, „Бѣглые въ Новороссіи“, „Воля“, „Новый мѣста“, „Девятый валъ“ и всѣ друг. многочисленные его произведенія), которое будетъ приложено въ теченіе **ОДНОГО 1901 ГОДА**,—такъ что „Сборникъ Нивы“ 1901 г., по количеству матеріала для чтенія, значительно превзойдетъ „Сборники“ всѣхъ прежнихъ лѣтъ.

Требованія адресовать въ Главную Контору журн. „НИВА“, С.-Петербургъ, Мал. Морская, 22. 3329. 3—1.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА на 1901 годъ (2-й годъ изданія) на большую ежедневную политическую и литературную газету безъ предварительной цензуры

„СѢВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ“.

Въ основу своего міросозерцанія „СѢВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ“ предполагаетъ идею единства европейской цивилизаціи, не исключаяющей началъ національной самобытности, и ставитъ своей цѣлью добросовѣстное изученіе русской жизни и освѣщеніе ея въ духѣ справедливости и развитія гражданственности. Въ этомъ смыслѣ „СѢВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ“ направляетъ всѣ усплія, чтобы быть вѣрнымъ выразителемъ прогрессивныхъ стремленій наиболѣе отзывчивой части русскаго общества. Придавая огромное значеніе совершающейся въ Россіи экономической эволюціи въ области земледѣлія и промышленности, „СѢВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ“ внимательно слѣдитъ какъ за самымъ процессомъ эволюціи, такъ и за всѣми происходящими на этой основѣ измѣненіями въ духовной жизни народа, исюду выдвигая надъ узко-эгоистическими личными и групповыми интересами благо и интересы трудящихся массъ безъ различія сферы приложенія ихъ труда. Серьезное вниманіе уделяется выясненію и установленію правильныхъ отношеній между центромъ и окраинами на основѣ полного признанія и уваженія правъ личности, національности и началъ вѣро-

теримости. „СѢВЕРНЫЙ КУРЬЕРЪ“ вѣритъ въ необходимость органическаго роста областного начала, желательность дальнѣйшаго расширенія сферы общественной самодѣятельности и потому отводитъ подобающее мѣсто вопросамъ земскаго и городского самоуправленія, областнымъ интересамъ и нуждамъ. Не менѣе значеніе придаетъ газета успѣхамъ русскаго школы и просвѣщенія и въ этой области ставитъ своей задачей сплоченіе и объединеніе усилій разрозненныхъ дѣятелей на просвѣтительномъ поприщѣ. Серьезное вниманіе удѣлено также интересамъ науки, искусства и литературы.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: въ Россіи на годъ 10 руб., на 6 мѣс.—5 руб., на 3 мѣс.—2 р. 50 к., на 1 мѣс.—1 руб.; за границу на годъ 16 руб., на 6 мѣс.—8 руб., на 3 мѣс.—4 руб., на 1 мѣс.—2 руб.

Разрочка допускается по четвертямъ, а для служащихъ (черезъ казначействъ) по 1 руб. въ мѣсяцъ (при подпискѣ на годъ въ теченіе первыхъ десяти мѣсяцевъ). Подписка принимается только съ перваго числа каждаго мѣсяца. (Объявленія принимаются по цѣнѣ: 50 к. строка пята иереди текста и 20 коп.—позади. Подписка принимается во всѣхъ главныхъ книжныхъ магазинахъ и въ конторѣ редакціи: С.-Петербургъ, Б. Морская ул., 5 (отъ 12 до 4 часовъ дня). Отдѣленіе конторы въ Москвѣ у И. К. Голубева, Покровка, д. церкви Іоанна Предтечи.

Издатель Кн. В. В. Бятыинскій.

Редакторы: Кн. В. В. Бятыинскій и К. И. Арабакинъ.

„ТЕАТРЪ ПЕТЕРБУРГСКІЙ“

(бывшій Немецки, Офицерская ул., № 39).

Дирекція Е. А. Шабельской.

РЕПЕРТУАРЪ. Съ 26-го Ноября по 2-е Декабря 1900 г.

Воскресенье, 26-го Ноября: Рабыни веселья, ком. въ 4 д. В. Протопопова.

Понедѣльникъ, 27-го: Въ 1-й разъ Волхвы. Историческій эпизодъ XVII вѣка въ 5 д. и 6 карт. Передѣланъ изъ ром. Вс. Соловьева „ВОЛХВЫ“.

Вторникъ, 28-го: Рабыни веселья, ком. въ 4 д. В. Протопопова.

Среда, 29-го: Бенефисъ г. Петросіана. Волхвы. Историческій эпизодъ XVII вѣка въ 5 д. и 6 карт. Передѣланъ изъ ром. Вс. Соловьева „ВОЛХВЫ“.

Четвергъ, 30-го: Рабыни веселья, ком. въ 4 д. В. Протопопова.

Пятница, 1-го Декабря: Волхвы. Историческій эпизодъ XVII вѣка въ 5 д. и 6 карт. Передѣланъ изъ ром. Вс. Соловьева „ВОЛХВЫ“.

Суббота, 2-го: Волхвы. Историческій эпизодъ XVII вѣка въ 5 д. и 6 карт. Передѣланъ изъ ром. Вс. Соловьева „ВОЛХВЫ“.

Театръ „ФАРСЪ“

(бывш. Панаевскій у Дворцоваго моста).

Дирекція А. М. Горинъ-Горайновъ и В. А. Казанскій.

ПРЕДПОЛАГАЕМЫЙ РЕПЕРТУАРЪ

Съ 26-го Ноября по 2-е Декабря 1900 г.

Воскресенье, 26 Ноября: 1) Дама отъ Максима, 2) Въ силкахъ.
Понедѣльникъ, 27-го: — Бенефисъ Е. Л. СТАНИЛЕВИЧЪ. 1) Армія спасенія
2) Торжество Фрины.
Вторникъ, 28-го: — 1) Ночь Г-жи Монтессонъ, 2) М-ме Корали и К°.
Среда, 29-го: — Повтореніе бенефиса Е. Л. СТАНИЛЕВИЧЪ. 1) Армія спасенія,
2) Торжество Фрины.
Четвертъ, 30-го: — 1) Дамскій докторъ, 2) Въ силкахъ.
Пятница, 1 Декабря: 1) Армія спасенія, 2) Дама отъ Максима.
Суббота, 2-го: — 1) Торжество Фрины, 2) Приключенія fin de siècle.

ЗАЛЪ ДВОРЯНСКАГО СОБРАНІЯ.

Въ Субботу, 9-го Декабря 1900 г., въ 8 час. вечера состоится первый ежегодный большой

СИМФОНИЧЕСКІЙ КОНЦЕРТЪ

(Организованный М. И. Долиной) въ пользу попечительства ГОСУДАРЯНИИ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ ОЕОДОРОВНЫ о глухонѣмыхъ. При участіи оркестра Императорской оперы, подъ управленіемъ извѣстнаго перваго Придворнаго капельмейстера Великаго Герцога Мекленбургъ-Шверинскаго

ГЕРМАНА ЦУМЛЕ (изъ Шверина).

При участіи: 1) М. И. Долиной, 2) А. С. Аренскаго, 3) тенора Вуріана, 4) извѣстнаго солиста-скрипача г. Ондричекъ (изъ Праги) и 5) знаменитаго пианиста профессора Рауля Пюньо.

Роль фабрики К. М. Шредера.

Акомпанировать будетъ Э. Я. Длусскій.

Билеты первыхъ шести рядовъ, красные диваны у Царской ложи и мѣста для лицъ, имѣющихъ право занимать мѣста около Царской ложи, исключительно можно получать: 1) у графини М. И. Мусиянъ Пушкиной (Моховая, 10) 2) у В. Е. Тонягоръ (Гагаринская, 34). 3) у Е. В. Кривенко (Захарьевская, 14). 4) у г-жи Е. К. Клейгельсъ (домъ Градоначальства). 5) у г-жи Г. И. Мердеръ (Васковъ пер., 35) и 6) у г-жи А. И. Степановой (Вол. Московская, 9).

Остальные мѣста — кресла отъ 5 р. до 2 р. 50 к., красные диваны по 3 руб. 50 к. и 3 р., мѣста между колоннами по 3 р. и 2 р., мѣста за колоннами по 2 р. и 1 р. 50 к. и хоры 1-й рядъ по 2 р. и остальные по 1 руб. можно съ 26-го Ноября получать въ музыкальных магазинахъ Юргенсона (Б. Морская, 9) и Югансена (Невскій, 50) и „Новаго Времени“ (Невскій, 40, мѣста на эстрадѣ), тамъ-же выставлена программа концерта.

Второй и послѣдній Симфоническій концертъ М. И. Долиной въ Дворянскомъ Собраніи въ пользу Общины Св. Георгія состоится 2 го Января, въ 2 часа дня. Программа будетъ посвящена чешскимъ авторамъ. Оркестръ подъ управленіемъ дирижера Парижскихъ Филармоническихъ концертовъ Оскара Недбала и при участіи: М. И. Долиной, артистовъ Пражской королевской національной оперы Ружены Матуровой, тенора Богумила Птака, извѣстнаго чешскаго пианиста Алоиза Бранека и знаменитаго чешскаго квартета. — Билеты отъ 10 до 6 р. продаются у г-жи М. А. Сольской (Гагаринская, 5). Остальные отъ 1 р. до 5 р. съ 20-го Ноября, въ музыкальных магазинахъ Югансена (Невскій, 50), Юргенсона (Б. Морская, 9) и „Новое Время“. 3330. 2—1.

**РОЗОВОЕ
ХРУСТАЛЬНОЕ МЫЛО**
№ 4711

Поставщикъ Двора Его Императорскаго Величества
ФЕД. МЮЛЬГЕНСЪ
КОЛОКОЛЬНАЯ № 4711 ВЪ КЕЛЬНѢ И РИГѢ

Высокое содержаніе глицерина, экономія вслѣдствіе обилья пѣны,
нѣжный ЗАПАХЪ РОЗЫ
вотъ качества, отличающія это мыло въ высокой степени.

2315. 6—3.

ТЕАТРЪ бывшій КОНОНОВА

Французская опера. Еженедельныя представленія.
Дирекція В. А. Неметти. Мойка, 61. СОСТАВЪ ТРУПЫ:

Въ 1-й разъ въ С.-Петербургѣ на гастроли приглашены: примачоны-этуалы: г-жи: **ТАРИОЛЬ БОЖЕ, ЖАНЕТА ПЕТТИ, Б. КОСИТЪ**. Премьеры: **Г. Г. РЕНЪЯРЪ, ДЭКАНЪ, СЕМПРЕА**. Артисты группы: г-жи **Огюста Пуже, Е. Стемми, К. Флер-Дилларъ, Берте, Астрюкъ, Лили Денсонъ, Жанна Ламберъ, Молъ Дорфе, Декей, Лици, Люсиѣна, Оттъ-Жеанинъ, Сюзанна Несль и др. Г. Г. Гудриѣ, Менклеръ, Мари, Пакзѣ, Фоль, Рэзель, Бланъ, Драгъ, Куртуа, Бойеръ, Дюваль, Фонтенъ и др.**
Въ Воскресенье 26-го Ноября: „**КОРНЕВИЛЬСКІЕ КОЛОКОЛА**“. Въ Понедѣльникъ 27-го: оп. въ 3 л. мѡз. Плавкѣтъ. 1-й вых. г-жи Стемми. Въ Вторникъ 28-го: „**LES PETITES MICHU**“. Въ Среду 29-го: „**ВЕРОНИКА**“. Въ Четвертъ 30-го: „**КОРНЕВИЛЬСКІЕ КОЛОКОЛА**“, оп. въ 3 л. мѡз. Плавкѣтъ. 1-й вых. г-жи Стемми. Въ Пятницу 1-го Декабря: въ 1-й разъ: „**МУШЕТЕРЫ**“. Г. л. режиссеръ Г. Моннель.

НОВАЯ КНИГА

„ВЕСЕЛЫЕ ВЕЧЕРА“.

Сам. полный сборн. остроумныхъ кулишетовъ. Репертуаръ популярныхъ кулишетовъ: Арбенниа, Блюменталь-Тамарина, Вринскаго, Вуракопскаго, Камонскаго, Любимовъ-Гуляева, Пальма, Шевченко и др. Съ портрет. исполнителю подъ редакціей М. В. Лептоскаго и С. А. Пальма.

Ц. 1 рубль.

Выписывать можно изъ конторы журнала „Театръ и Искусство“.

ПОЗНАТЬ САМОГО СЕБЯ

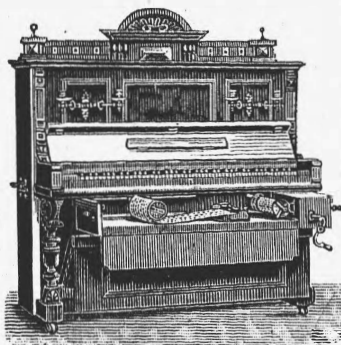
Извѣстный психо-графологъ И. О. Моргенштернъ прибылъ въ С.-Петербургъ и остановился по Малой Итальянской ул., въ д. № 7, кв. 9.

ДБЛАЕТЪ АНАЛИЗЫ ПО ПОЧЕРКУ.

Принимаетъ желающихъ распознать себя, свое призваніе, свои силы и опредѣляетъ темпераментъ, міровоззрѣніе, способности, наклонности и вообще весь нравственный строй человѣка. Желающіе могутъ послать почеркъ по почтѣ съ приложеніемъ платы. Ответы даются черезъ три дня. Пріемъ отъ часу дня до 6 часовъ вечера. Приглашенія же на домъ принимаются только вечеромъ по соглашенію.

№ 2288. 52—2.

САМОИГРАЮЩІЯ ПІАНИНО

Можно играть, какъ на обыкновенномъ пианино, а также отлично исполнять различные пьесы и танцы или **верчениемъ ручки** (стоящія 600, 650, 750, 850 р.), или **электрической силой** (въ 850 и 1,050 руб.). Ноты по 2 р. 25 к. и дороже. Списание бесплатно.

Механическій таперъ

приставляется къ каждому роялю или пианино и при верчении ручки исполняетъ различные пьесы и танцы. Цѣна 175 р. Ноты по 2 р. 25 к. и дороже.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

С.-Петербургъ, Б. Морская, 34, Москва, Кузнецкій мостъ, д. Захарьина.
№ 2311. 52—9.

1901 г. Ежедѣльный иллюстрированный журналъ 1901 г.

СЕМЬЯ.

Девятый годъ изданія.

„СЕМЬЯ“ по размѣрамъ своимъ и богатству содержанія не уступаетъ ни одному изъ дорогихъ русскихъ еженедѣльных иллюстрированныхъ изданій. Существованіе этого журнала въ такомъ полномъ и изящномъ видѣ, при столь дешевой подписной платѣ, возможно лишь благодаря содѣйствію восьми рублевой ежедневной московской газеты „Новости Дня“, снабжающей журналъ портретами государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, представителей науки и искусствъ (артистовъ, художниковъ и проч.) и иллюстраціями.

Подписная цѣна на годъ, съ доставкою

ТРИ РУБ.

Адресъ: Москва.

Я употребляю

НА ПОМОЩЬ ВОЛОСАМЪ!

Элеопать провизора КИНУНЕНА.

Рекомендуется какъ средство для волосъ, способствующее быстрому росту ихъ и уничтожающее головную перхоть.

Элеопать пр. Кинунена находится въ продолжѣ и ежегодно расходуется десятками тысячъ флаконовъ, что доказываетъ его несомнѣнную пользу волосамъ. Элеопать пр. Кинунена имѣется къ услугамъ публики во всѣхъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ магазинахъ Имперіи. Цѣна флакону 1 р. 50 к., 2 флакона высылаются почтою въ Европейскую Россію за 4 рубля.

Главный складъ: Разъѣзжая ул., № 13.

Адресъ для писемъ: „Складъ элеопата Кинуненъ“.
№ 3322. 7—30.

1-я награда. Ревель 1900 г.
ВЫСШАЯ НАГРАДА
за превосходно сдѣланные и недорогие
стоющие парики и бороды для театровъ.
ПАТЕНТЪ ЗАЯВЛЕНЪ за № 11806.

РЕКОМЕНДУЕМЪ:

Парики изъ ангорской
шерсти отъ . . . 1 р. — к. за шт.
изъ волосъ . . . 2 „ — „ „ „
Бороды изъ ангорской
шерсти отъ . . . 40 „ „ „
изъ волосъ отъ 1 „ 25 „ „ „
Тульи для театраль-
ныхъ париковъ
собственнаго изобрѣ-
тенія отъ . . . 1 р. — к. за шт.
Шерсть для бородъ
всѣхъ цвѣ-
товъ отъ . . . 4 „ — „ за фун.
Англійскій шерстяной
крепъ отъ 6 „ — „ „ „

О. КРЕНТЦИНЪ.

Рига, Каменная улица, № 13.

Иллюстрированные проейс-курранты вы-
сылаются бесплатно.
№ 3327. 3—3.

ВЫШЛИ ИЗЪ ПЕЧАТИ:

„РАБЫНИ ВЕСЕЛЬЯ“

В. Протопопова, ц. 2 р. Ценз. экз. 5 руб.
извѣстная драма В. САРДУ.

„ФЛОРИА ТОСКА“.

Рецертуаръ Сары Вернарь.

Переводъ О. Н. Латернора, Литографи-
рованное изданіе журнала „Театръ и
Искусство“.

Цѣна 2 рубля.

„БРАТЯ КАРАМАЗОВЫ“.

Драматическія сцены въ 5 ти дѣйствіяхъ
и 8-ми картинахъ (по роману Ф. М. До-
стоевского)

К. Дмитриева.

Цѣна 2 руб.

Изданіе редакціи журнала „Театръ
и Искусство“.

3 выпуска словаря Сценическихъ
дѣятелей (А. В. В.) 1 р. 50 коп.

Высылаются наложеннымъ
платежемъ.

Вновь выстроенный **„ЛИРА“**
концертный залъ

въ центрѣ города Николаева, вмѣ-
щающій болѣе 300 стульевъ, кромѣ
входныхъ, отдается подъ **КОНЦЕРТЫ,**
ВЕЧЕРА и проч. Съ полнымъ осяѣ-
щеніемъ, отопл., кассиромъ и всей
прислугой по 25 руб. за вечеръ.
Адресъ: Николаевъ, контора Фефер-
боймъ.

Р. С. Принимаю бесплатно хлопоты
по устройству концертовъ.

КЪ СВѣДѢНІЮ.

гг. артистовъ и концертмейстеровъ
Витебская Концертная
АГЕНТУРА.

Посредничество по устройству КОНЦЕР-
ТОВЪ, ОПЕРНЫХЪ и ДРАМАТИЧЕ-
СКИХЪ СПЕКТАКЛЕЙ и проч. въ КОН-
ЦЕРТНЫХЪ ЗАЛАХЪ и ТЕАТРѢ.
Объ условіяхъ обратиться по нижеслѣ-
дующему адресу:

„Витебскъ, Д. Тихановскому.“

№ 3331 1—1.

Романсъ Елены.

Изъ комической оперы Ф. Шуберта
„ДОМАШНЯЯ ВОЙНА“.

Лортепiанное перел. и перев.

И. М. Кнорозовскаго.

РОМАНСЪ ЕЛЕНЫ

ИЗЪ КОМИЧ. ОПЕРЫ Ф. ШУБЕРТА.
„ДОМАШНЯЯ ВОЙНА.“

Перелож. ч. м. КНОРОВОВСКАГО.

Слова КАСТЕЛЛИ

Переводъ ч. м. КНОРОВОВСКАГО.

PIANO.

Груст-на, блѣдна, съ то-

скою въ ду-шѣ, у-ны-ло я бро-жу, и грудь пы-ла-етъ,

какъ въ ог-нѣ, и скорбь, но въ даль гля-жу

Музыкальный фрагмент, состоящий из вокальной и фортепианной партий. Вокальная партия начинается с ноты G4, за которой следуют различные интервалы, включая октаву. Фортепианная партия играет аккомпанемент в правой и левой руках.

Ни что не . ни . не . со . дить и . все . мне . жа . по .

Музыкальный фрагмент, состоящий из вокальной и фортепианной партий. Вокальная партия продолжает мелодию, включая ноты с точкой (дольные). Фортепианная партия поддерживает ритм.

бой . явучить . И как . по . сру . стить . в . мчал . ся

Музыкальный фрагмент, состоящий из вокальной и фортепианной партий. Вокальная партия имеет паузы, обозначенные чертой. Фортепианная партия продолжает играть.

ми . лый . в . даль . и . серд . це . рветь — по . даль .

Музыкальный фрагмент, состоящий из вокальной и фортепианной партий. Вокальная партия заканчивает фразу. Фортепианная партия завершает аккомпанемент.

Без . п . ный . ан . гол . , . тяж . ко . ми . ра . лу . ку . по . ро .

ность. Что ищешь ты вину, кой страши, что жаждошь тамъ обрѣсть?

Пусть счастьемъ тамъ шибаетъ кругомъ, но нѣтъ любви въ кра-

ю чужомъ. О ми-лый! По-кинь чужбины дѣль, расстѣ мою

— подишь.